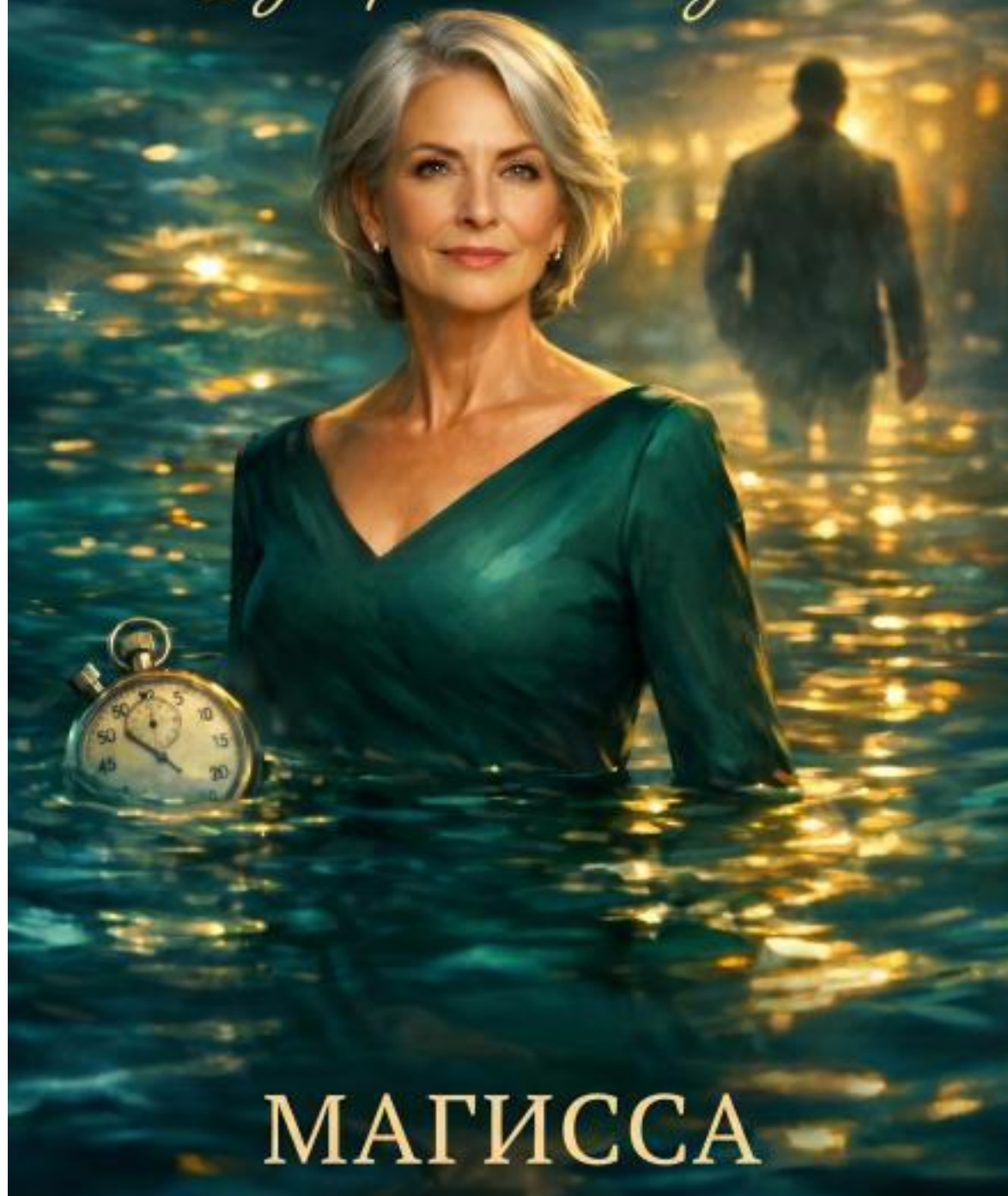

РАЗВОД в 60:

Бумеранг в спину

МАГИССА

Магисса –
Развод в 60: Бумеранг в Спину

«Литнет»

2026

– М.

Развод в 60: Бумеранг в Спину / М. – — «Литнет», 2026

- Влада, мы цивилизованные люди, - спокойно произносит муж, аккуратно укладывая вещи в дорогой чемодан.- Мне шестьдесят два, я влюбился и хочу прожить остаток лет на полной скорости. Я ухожу к ней, но дом оставляю тебе. Надеюсь, мы останемся семьей. После тридцати лет брака мой муж решил начать жизнь с чистого листа с женщиной вдвое моложе. Он ушел, уверенный, что поступил благородно. Все знакомые восхитились его честностью, а родная дочь попросила меня «быть мудрее» и не устраивать скандалов. От меня, идеальной домашней жены, ждали, что я тихо поплачу в подушку и покорно приму роль стареющей декорации в его новой, яркой жизни. Но мой бывший муж кое-что забыл. Бывших пловцов не бывает. Когда тебя неожиданно бросают на глубину, нельзя паниковать. Нужно выдохнуть, опуститься на самое дно и с силой оттолкнуться ногами. Я не пойду ко дну из-за чужого предательства. Я верну себе свое тело, свое дыхание и свою жизнь. А когда его хваленая «вторая молодость» разобьется о суровую реальность, и бумеранг ударит прямо в спину... Пусть не надеется, что я снова стану его спасательным кругом. Моя дорожка - соседняя. И я плыву к финишу с другим. В тексте есть: ✓# Измена мужа после 30 лет брака ✓# Сильная, взрослая и адекватная героиня ✓# Зрелая, настоящая любовь и надежный мужчина ✓# Возрождение из пепла через спорт ✓# Жесткий и справедливый бумеранг предателю ✓# Без скучных судов и раздела имущества ✓# ХЭ для героини гарантирован!

© – М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Иное дыхание	6
Глава 2. Синдром фантомной боли	10
Глава 3. Святой кобель и тишина	14
Глава 4. Удар под дых	18
Глава 5. Иллюзия скорости	22
Глава 6. Надевая лицо	26
Глава 7. Чужой кислород	30
Глава 8. Хирургический разрез	33
Глава 9. Инстинкт самосохранения	37
Глава 10. Гравитация и дно	39
Глава 11. Унизительное спасение	42
Глава 12. Мышечная память	44
Глава 13. Секундомер и война	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1. Иное дыхание

За тридцать лет брака ты выучиваешь чужое тело лучше, чем свое собственное. Ты знаешь наизусть его невидимую физиологическую карту: где именно застывает напряжение в мышцах после долгой поездки за рулем, как меняется температура кожи при малейшей простуде, под каким углом сгибается колено, которое когда-то давно оперировали. Но главное - ты знаешь, как звучит возраст человека, спящего с тобой на одной кровати.

Я лежала на спине, глядя в темный потолок нашей спальни, и слушала. В доме стояла плотная, тяжелая ночь, прерываемая лишь равномерным гулом фильтра в моем огромном аквариуме на первом этаже. И в этой темноте дыхание Павла казалось оглушительным.

Обычно шестидесятидвухлетний мужчина дышит во сне тяжело. В этом звуке есть определенная гравитация, легкое, едва заметное апноэ, микропаузы, после которых следует глубокий, почти усталый выдох. Так дышал Павел последние лет пять. Но сегодня ночью ритм изменился. Он дышал поверхностно, ровно, идеально выдерживая такт "два через два". Так дышит профессиональный бегун-спринтер в фазе активного восстановления после пиковой нагрузки на дорожке. Его легкие работали с пугающей, жадной эффективностью, словно он сбросил с себя пару десятков лет и готовился к новому старту.

Я чуть повернула голову на подушке. До меня долетел запах.

Обычно от кожи мужа пахло его неизменным гелем для душа с кедром и легкой, едва уловимой кислинкой мужского пота. Но сейчас этот привычный фон перекрывал резкий, въедливый, почти медицинский дух. Камфора, ментол и экстракт арники. Я знала этот запах. Это была профессиональная разогревающая мазь, которую используют спортивные врачи и кинезиологи для глубокого массажа забитых мышц.

Павел - старший тренер по легкой атлетике. Он уважаемый человек, стратег, он стоит с секундомером на бровке и корректирует технику молодежи. Он не бежит сам до мышечных спазмов и не втирает в себя литрами камфору. Для этого нужны чужие, сильные и молодые руки.

Ледяная ясность затопила мой мозг с той же скоростью, с какой холодная вода заполняет легкие при неудачном вдохе на дорожке бассейна. Я не стала тянуться к его телефону, лежащему на тумбочке. Не стала устраивать унижительных проверок карманов его пиджака, не стала будить его криками и требованиями объяснений. Спортивное прошлое учит одной простой истине: если ты понимаешь, что течение изменилось, не трать силы на беспорядочные барахтанья. Экономь кислород. Я просто закрыла глаза и заставила свое сердце замедлить ритм, синхронизируя его с тиканьем электронных часов.

Утро началось в обычном режиме, словно ночное открытие было лишь моим фантомным бредом. Я спустилась на кухню. Мои босые ступни ощущали привычную прохладу керамогранита. Дом Логвиновых, наш крепкий, добротный коттедж, который мы строили годами, жил своей размеренной жизнью.

Я подошла к кофемашине. Проверила наличие зерен темной обжарки, залила свежую воду. Мельница внутри аппарата утробно зарычала, перемалывая арабику, и густой, горький аромат наконец-то вытеснил из моих рецепторов призрачный запах ночной камфоры.

Я была одета в свой любимый домашний костюм из плотного графитового хлопка. Ткань приятно прилегала к телу, не сковывая движений. В свои шестьдесят я чувствовала легкую, ноющую тяжесть в пояснице по утрам, но спину держала прямо - старая привычка пловчихи, которую не вытравить ни годами стояния у плиты, ни десятилетиями роли идеальной жены при успешном муже.

Я достала из холодильника яйца, шпинат и помидоры черри. Я всегда была хорошей хозяйкой. Наш быт работал как безупречный швейцарский механизм. И даже сейчас, когда

внутри меня росла абсолютная уверенность в надвигающейся катастрофе, мои руки привычно нарезали овощи для омлета идеальными, ровными дольками.

Шаги на лестнице раздалась ровно в семь тридцать. Павел спустился на кухню.

Он выглядел безупречно. Свежевыбритый, подтянутый, от него пахло дорогим лосьоном после бритья. На нем были строгие темные брюки и идеально выглаженная белая рубашка - он всегда гладил свои рубашки сам, терпеть не мог, когда кто-то касался его рабочей "униформы". Павел никогда не был бытовым инвалидом или карикатурным тираном, разбрасывающим носки. В нем была врожденная, суровая дисциплина спортсмена.

- Доброе утро, - произнес он своим поставленным, уверенным баритоном.

- Доброе, - ответила я ровно, не оборачиваясь от плиты.

Он подошел к кухонному острову, опираясь на столешницу из массива дуба. Краем глаза я уловила, как он сделал легкую, пружинящую разминку плечевого пояса. Перекатился с пятки на носок. В каждом его движении сквозила эта новая, пугающая, неестественная легкость. Он бросил короткий взгляд на свое отражение в темном стекле выключенной духовки. Я поняла: он не просто смотрит на себя. Он любит той версией Павла Логвинова, которую теперь транслирует кому-то другому. Версией мужчины без возраста.

Кофемашина пискнула, возвещая о готовности эспresso. Я взяла две чашки из толстого белого фарфора. Поставила одну перед ним. Вторую оставила в своих руках. Я не стала садиться напротив него за стол. Я осталась стоять у столешницы, чувствуя спиной легкий жар от плиты, где медленно схватывался омлет.

Пора было заканчивать этот спектакль.

- Чьей камфорой от тебя пахнет, Паша? - спросила я абсолютно будничным тоном. Тем же тоном, каким обычно спрашивала, нужно ли заехать в химчистку по пути с работы. - И почему ты дышишь во сне так, будто готовишься к стометровке? Кто она?

Мой вопрос повис в воздухе. Я ждала классической реакции пойманного мужа из дешевых мелодрам. Ждала, что он вздрогнет, расплескает кофе на идеальную скатерть, начнет суетиться, бегать глазами, кричать, что я сошла с ума и придумываю небылицы от скуки.

Но Павел Логвинов повел себя иначе. Он не дрогнул.

Он медленно опустил чашку на блюдце. Дзинь. Тонкий, чистый звук фарфора. Он выпрямился, расправил свои широкие плечи и посмотрел на меня прямо. В его выпцветших, но все еще цепких голубых глазах не было ни капли паники, ни грамма вины. В них читалось лишь ледяное, пугающее своей рациональностью спокойствие. Он словно ждал этого разговора и теперь был рад возможности сбросить маскировку.

- Ты всегда была слишком наблюдательной, Влада, - произнес он ровно, без тени улыбки.

- Я собирался поговорить с тобой вечером, но раз уж ты сама начала... Давай без сцен. Мы взрослые люди.

Он сделал паузу, словно давая мне время подготовиться к удару, хотя на самом деле просто наслаждался звуком собственного голоса и своей "честностью".

- Это Анфиса, - сказал он. Имя прозвучало коротко, как щелчок секундомера. - Новый врач-кинезиолог из нашей сборной. Ей тридцать четыре.

Я смотрела на него, чувствуя, как чашка в моих руках начинает казаться невероятно тяжелой. Мое лицо оставалось непроницаемым, но внутренности словно обдало жидким азотом.

- Мне шестьдесят два года, Влада, - продолжил Павел, и в его голосе зазвучали жесткие, стальные нотки человека, уверенного в своем абсолютном праве на эгоизм. - Я объективно смотрю на вещи. У меня осталось десять, может быть, пятнадцать активных лет жизни. Пока колени еще держат, пока сердце бьется без перебоев, пока я чувствую в себе мужскую силу. Я отдал семье, тебе и Насте тридцать лет. Я был хорошим мужем и отличным отцом. Но я не хочу

провести свой остаток времени, сидя в кресле перед телевизором на нашей веранде, обсуждая цены на рассаду и дожидаясь, пока у меня начнет скакать давление.

Он говорил это искренне. Он действительно верил в каждое свое слово. Его измена не была случайной слабостью на пьяной вечеринке. Это был продуманный, экзистенциальный побег от старости. Он пытался обогнать саму смерть, используя молодое женское тело как допинг.

- Я влюбился, - констатировал он сухо, словно зачитывал медицинский диагноз. - С ней я чувствую, что могу пробежать еще один круг на полной скорости. Я ухожу, Влада.

Я молчала. Я видела, как он ждет моей реакции. Ждет, что я сейчас заплачу, начну умолять его остаться, вспомню нашу молодость, наш построенный по кирпичику дом, внука. Но мои губы были плотно сжаты. Я изучала структуру его лица, новые, глубокие морщины у рта, которые не могла стереть никакая молодая любовница.

- Я все продумал, - Павел воспринял мое молчание как знак согласия выслушать его "великодушный" план. - Я поступаю честно. Дом, участок, вся мебель - это остается тебе. Я не буду подавать на раздел имущества, суды нам ни к чему. У меня есть сбережения, я сниму хорошую квартиру в центре, недалеко от спорткомплекса. Машину заберу свою. Я буду помогать тебе финансово, если потребуется.

Он сделал глоток кофе, словно промочил горло после удачного доклада на тренерском совете.

- Ты сильная, умная женщина, Влада. Ты мне самый родной человек, и это не пустые слова. Надеюсь, ты примешь это достойно. Без истерик и грязи. Мы цивилизованные люди, и я хочу, чтобы мы остались семьей. Ради нашей дочери. Ради внука. Я хочу иметь возможность приезжать сюда на праздники.

Слово "достойно" прозвучало как пощечина. В его системе координат мое достоинство заключалось в том, чтобы молча проглотить предательство, смахнуть пыль с его любимого кресла и услужливо налить чай его новой, молодой пассии на семейных застольях. Он не просто разрушал наш брак. Он забирал себе роль святого, благородного рыцаря, который оставляет брошенной жене замок, чтобы не чувствовать ни капли угрызений совести.

Я смотрела на омлет на плите. Края уже начали темнеть и подгорать, распространяя по кухне едкий запах горелого масла. Но я не сдвинулась с места, чтобы выключить конфорку. Мое тело онемело.

Павел поставил пустую чашку в раковину. Он подошел ко мне. От него снова резко пахнуло этой чертовой камфорой. Он поднял руку и ободряюще, покровительственно сжал мое плечо. Мои мышцы под хлопковой тканью костюма превратились в камень, но я не отшатнулась.

- Я пойду наверх, - сказал он мягким, почти родительским тоном. - Соберу вещи. Мне хватит одного чемодана. За остальным пришло грузчиков позже. Выключи плиту, Влада. Горит.

Он убрал руку и пошел к лестнице. Я не повернула головы. Я только слушала, как скрипят под его уверенными, тяжелыми шагами дубовые ступени.

На кухне резко изменилось атмосферное давление. Воздух словно стал густым, осязаемым, твердым. Я попыталась сделать вдох, но моя диафрагма отказалась работать. Легкие сжались в крошечные, сухие комки.

Физиологическая память тела, дремавшая во мне тридцать пять лет, внезапно проснулась. Я вспомнила это ощущение. Пятидесятиметровый бассейн, ледяная вода, заплыв под водой на задержке дыхания. Тот самый критический момент, когда кислород в крови падает до нуля, а уровень углекислого газа закипает, обжигая грудину. Каждая клетка твоего мозга в панике бьется о черепную коробку и орет: "Дыши! Открой рот и вдохни!". Инстинкт требует кислорода любой ценой.

Но спортсмен знает правду. Если ты откроешь рот, находясь глубоко под водой, ты не вдохнешь воздух. Ты вдохнешь смерть. Ты захлебнешься.

Я стояла посреди своей идеальной кухни, слушая, как наверху открываются дверцы шкафов, и понимала: сейчас я под водой. На самом дне. Давление расплющивает барабанные перепонки, легкие горят от боли, но открывать рот нельзя. Нельзя кричать. Нельзя умолять.

Нужно плотно сжать губы, сгруппироваться и терпеть.

Я протянула руку и выключила конфорку. Взяла тканевую салфетку, методично, до сухого скрипа, стерла со столешницы невидимую каплю воды. Погружение началось.

Глава 2. Синдром фантомной боли

- Влада, синие чехлы для костюмов в гардеробной или ты убрала их в гостевую?

Его голос прозвучал из глубины нашей спальни так обыденно, словно он собирался на очередные спортивные сборы в Кисловодск. Никакой дрожи, никакой виноватой хрипотцы. Ровный, поставленный баритон человека, который точно знает, что контролирует ситуацию.

Вытерев столешницу на кухне, я бесшумно поднялась на второй этаж. Я стояла, прислонившись плечом к дверному косяку, и смотрела, как рушится моя жизнь.

Павел методично укладывал вещи в свой дорогой, жесткий чемодан из темно-серого поликарбоната. Он всегда собирался сам. В нем не было этой карикатурной, жалкой мужской беспомощности, когда жена должна бегать по дому в поисках второго носка. Мой муж был педантом. Его белые рубашки, которые он так любил носить на тренерские советы, отправлялись на дно чемодана идеально сложенными. Спортивная экипировка, кроссовки в специальных пыльниках, несессер с бритвенными принадлежностями - все находило свое место с пугающей, геометрической точностью.

Я смотрела на его сильные руки с выступающими венами, на то, как уверенно они застегивают молнии на внутренних карманах, и чувствовала, как внутри меня медленно, по капле, замерзает кровь. Мое тело, затянутое в плотный графитовый хлопок домашнего костюма, казалось невероятно тяжелым, словно его налили свинцом. Пальцы рук, вцепившиеся в деревянный наличник двери, онемели от холода, а в икроножных мышцах пульсировало знакомое, мерзкое предчувствие судороги.

Где-то на периферии сознания билась мысль: если бы он сейчас метался по комнате, если бы в панике комкал свои свитера, швырял их в дешевые пластиковые пакеты, прятал глаза или срывался на визгливые обвинения в мой адрес - мне было бы легче. Я бы увидела слабость. Я бы почувствовала свое превосходство. Но эта хирургическая, стерильная аккуратность, с которой он вырезал свое присутствие из нашего тридцатилетнего брака, ощущалась как ампутация без наркоза.

- В гостевой, - ответила я. Мой голос прозвучал сухо и плоско, без единой обертоновой окраски. - В шкафу на нижней полке.

Он кивнул, не оборачиваясь. Прошел мимо меня в коридор, принес чехлы. Запахнул в них свои темные костюмы. Щелк. Молния на чемодане сомкнулась, запечатав внутри ту часть Павла Логвинова, которая еще вчера принадлежала мне.

Он поднял ручку чемодана. Колесики мягко стукнули по паркетной доске.

- Пойдем вниз, - сказал он. - Нужно обсудить пару бытовых моментов перед моим уходом.

Я отстранилась от косяка, пропуская его вперед. Дерево под моими пальцами оставило легкую вмятину на коже. Мы спустились по дубовой лестнице. Я шла позади него, глядя на его широкую, прямую спину, на то, как легко он несет тяжелый багаж. Каждый стук полиуретановых колесиков по деревянным ступеням отдавался тупой болью в моих висках.

В холле первого этажа было светло. Осеннее солнце пробивалось через высокие окна, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе. Павел поставил чемодан у входной двери. Снял с вешалки свое темное кашемировое пальто. Он всегда одевался с иголки. Возраст придавал ему солидности, а новая влюбленность - той самой хищной, пружинящей легкости, которую я заметила утром на кухне.

Он застегнул пуговицы пальто и повернулся ко мне. Лицо серьезное, взгляд прямой. Включился режим "благородного управленца", передающего дела своему заместителю.

- Влада, послушай меня внимательно, - начал он, поправляя воротник. - Автоплатеж за домашний интернет и охранную сигнализацию привязан к моей карте. Я не буду его отключать. Это мелочи, пусть списывается. За ежегодное техническое обслуживание газового котла

я перевел деньги мастеру еще на прошлой неделе, так что до весны можешь об этом не думать. Бригада, которая чистит снег на нашем участке зимой, тоже предупреждена, они будут приезжать по графику.

Он говорил это ровным, успокаивающим тоном. И с каждым его словом воздух в прихожей становился все более плотным и душливым.

Этвудовская, ледяная ясность затопила мой разум. Я смотрела на него и видела каждую шестеренку в механизме его так называемого благородства. Павел перечислял эти бытовые платежи не из заботы обо мне. Он не пытался облегчить мне жизнь. В эту самую секунду он покупал себе индульгенцию. Он выстраивал свой личный пьедестал идеального, ответственного мужчины, чтобы уйти к молодой Анфисе без единого грязного пятна на своей совести.

Он хотел уйти так, чтобы весь наш маленький городок потом судачил: "Да, он оставил жену, но как достойно! Дом ей оставил, счета оплатил, ушел с одним чемоданом. Настоящий мужик". Ему нужна была кристально чистая кредитная история перед обществом. И для того чтобы этот сценарий сработал безупречно, от меня требовалась сущая мелочь - сыграть роль понимающей, мудрой женщины, которая с благодарностью принимает подачки и не устраивает истерик.

- Я услышала тебя, Паша, - сказала я тихо. - С котлом и снегом я разберусь.

- Если понадобятся деньги на крупные расходы или ремонт машины - звони, - добавил он, удовлетворенный моим спокойствием. - Я не снимаю с себя ответственности за твой комфорт. Мы не чужие люди.

Я молчала. Мои челюсти были сжаты так крепко, что начало сводить скулы. Я не дала ему того, чего он втайне ждал. Я не стала плакать, не стала умолять его одуматься, не стала кричать о тридцати годах, выброшенных на помойку. Я не дала ему возможности почувствовать себя утешителем. Я лишила его этого нарциссического удовольствия.

Павел взялся за металлическую ручку входной двери. На секунду в холле повисла тяжелая, густая пауза. И тут сработал старый, еще не выветрившийся рефлекс нашего брака. Павел сделал неувловимое движение вперед, подняв руку. Он хотел покровительственно, ободряюще коснуться моего плеча на прощание. Жест старшего брата, жест тренера, отправляющего подопечного на скамейку запасных.

Мое тело отреагировало быстрее, чем мозг. Мышечная память бывшей спортсменки, десятилетиями дремавшая под слоями домашнего уюта, сработала мгновенно. Я плавно, всего на пару сантиметров, сместила центр тяжести на пятки, отклонившись назад.

Рука Павла разрезала пустоту. Он промахнулся.

В его цепких голубых глазах на долю секунды мелькнуло замешательство, которое тут же сменилось холодной отстраненностью. Он понял жест. Понял, что граница уже проведена, и она заминирована.

- Я на связи, - бросил он коротко.

- Прощай, - ответила я.

Он вышел на крыльцо, легко перенес свой тяжелый чемодан через порог. Тяжелая дубовая дверь плавно закрылась за ним. Замок сухо и резко щелкнул, отрезая его от моего пространства.

В эту же секунду акустика дома изменилась. Это было физически осязаемое явление. Гравитация присутствия Павла Логвинова, человека, который заполнял собой каждую комнату, исчезла. Атмосферное давление в холле резко упало, создавая звенящий вакуум в ушах. Дом мгновенно оглох.

Мой адреналин, державший меня в струне все это утро, начал стремительно падать. Колени внезапно стали ватными, словно из суставов выкачали всю синовиальную жидкость. В поясницу, прямо над крестцом, вступила знакомая, тупая, ноющая боль - напоминание о возрасте, о тяжести прожитых лет, которую больше некому было делить пополам. Я медленно

опустилась на мягкую банкетку в прихожей, уперев локти в колени и закрыв лицо холодными, негнущимися ладонями.

Тишину дома нарушал только один звук. Из гостиной, пульсируя ровным, утробным гулом, доносился шум работы мощного внешнего фильтра.

Я заставила себя встать. Дышать было тяжело, воздух казался пыльным и сухим. На деревянных ногах, шаркая босыми ступнями по прохладному керамограниту, я прошла в гостиную.

Здесь все было пропитано им. Его любимое кожаное кресло, в котором он читал по вечерам. Полки с его книгами по спортивной медицине. И массивный дубовый комод у стены. Я подошла к комоду.

На его полированной поверхности, на специальной бархатной подставке темно-синего цвета, лежала единственная вещь, которую Павел не забрал с собой в новую жизнь. Просто забыл в спешке или не счел нужным брать в свой идеальный чемодан. Это был коллекционный, винтажный механический секундомер "Агат" в тяжелом хромированном корпусе. Павел купил его на каком-то аукционе и сам восстанавливал механизм. Этот секундомер был символом его абсолютной тренерской власти на дорожке. Символом его тотального контроля над временем. Того самого времени, которого ему теперь так отчаянно не хватало, чтобы успеть насладиться молодым женским телом.

Я протянула руку и взяла секундомер с бархата.

Холодный, гладкий металл приятно охладил разгоряченную кожу ладони. Прибор был тяжелым, весомым. Настоящая вещь из прошлой эпохи. Мой большой палец привычно лег на ребристое колесико завода. Я сделала несколько оборотов. Пружина внутри механизма упруго сопротивлялась. Затем я нажала на кнопку старта.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Звук был оглушительно громким. Механическое сердце отсчитывало доли секунды, разрезая мертвую тишину гостиной на равные, острые куски. Время Павла в этом доме снова пошло, хотя самого его уже не было. Это была фантомная боль чистой воды.

Сжимая тикающий хронометр в руке, я медленно повернулась к центру комнаты.

Там стоял мой аквариум. Мой личный пятисотлитровый океан, встроенный в нишу между окнами. Я занималась акваскейпингом много лет. Это было мое единственное хобби, моя медитация, мой способ контролировать жизнь, создавая идеальный подводный ландшафт. Внутри резервуара, под ярким светом профессиональных диодных ламп, зеленели густые заросли анубиаса и папоротников. Огромные, фактурные камни "дракон" создавали имитацию подводных скал, а между ними вилась тропинка из светлого кварцевого песка. Стайка неоновых тетр синхронно зависла в течении, создаваемом мощной помпой.

Я подошла к толстому осветленному стеклу. Встала на небольшой табурет, который всегда использовала для обслуживания аквариума, и подняла тяжелую пластиковую крышку. В лицо пахло влажной, теплой свежестью, запахом озерной воды и здоровых растений.

Секундомер в моей руке продолжал отчаянно тикать. Тик-так. Время уходит. Жизнь кончается. Надо бежать, надо успеть, надо сбросить старую жену, как изношенную обувь.

Я смотрела на чистую, прозрачную толщу воды. В дешевых мелодрамах брошенные жены в этот момент с криком швыряют дорогие вещи мужа в стену, разбивая их вдребезги. Они режут галстуки ножницами и льют слезы.

Но я была пловчихой. Я знала, что вода забирает любую боль, если правильно погрузиться.

Я вытянула руку над открытым аквариумом. Посмотрела на хромированный корпус секундомера, в котором искаженно отражалось мое бледное лицо. И с абсолютно ледяным, освобождающим спокойствием разжала пальцы.

Тяжелый металл с коротким, глухим всплеском пробил гладь воды.

Секундомер стремительно пошел ко дну. Он пролетел сквозь стайку испуганно метнувшихся в сторону рыб, ударился о шершавый камень, смял несколько жестких листьев анубиаса и тяжело опустился на специальный питательный грунт.

Я смотрела сверху вниз. Вода не терпит суеты и механики. Из-под стеклянного циферблата, сквозь микроскопические щели в корпусе, медленно вырвалась стайка серебристых пузырьков воздуха. Вода проникала внутрь механизма, заполняя шестеренки, останавливая пружину.

Пузырьки поднялись на поверхность и лопнули. Тиканье прекратилось навсегда.

Идеальное время Павла Логвинова было утоплено.

Я закрыла крышку аквариума. Спустилась с табурета и подошла к стеклу, рассматривая затонувший артефакт. Он смотрелся там чужеродно, как мусор на дне прекрасного, живого озера. Но он больше не издавал ни звука.

Глава 3. Святой кобель и тишина

Тело осознает потерю гораздо медленнее, чем мозг. Разум уже констатировал факт катастрофы, зафиксировал сухой щелчок входной двери и абсолютную пустоту в коридоре, а руки продолжают упрямо жить по старому, выученному алгоритму.

Я стояла над кухонным островом и со странным, почти научным интересом смотрела на две глубокие пиалы из тяжелой серой керамики. В них дымилась свежесваренная овсянка на воде. В нашем большом, набитом под завязку холодильнике лежал фермерский творог, свежие овощи и яйца - вчера утром я жарила привычный омлет. У меня всегда был идеальный порядок в продуктах, я не из тех женщин, у которых в стрессе в доме остается лишь засохший кусок сыра и банка растворимого кофе. Но сегодня, после первой ночи в пустой, пугающе широкой постели, мой мозг дал сбой. Руки, натренированные тридцатью годами бытовой дисциплины, проигнорировали яйца и сами отмерили двойную порцию крупы - ту самую пресную углеводную массу, которую Павел всегда требовал варить перед началом нового тренировочного макроцикла.

Взяв ложку, я зачерпнула вязкую кашу из своей пиалы. Медленно проглотила. Вкуса не было, только шершавая текстура на языке и тяжелое тепло, опускающееся в желудок. Я съела свою порцию стоя, глядя на ровный, математически выверенный узор керамогранита на полу. Физиология брала свое - организму требовалось топливо, чтобы функционировать дальше.

Затем я взяла вторую пиалу. Подошла к массивной каменной раковине и одним резким движением смахнула идеальный, правильный завтрак моего бывшего мужа прямо в сливное отверстие. Палец нащупал тумблер на стене. Щелчок. Измельчитель пищевых отходов утробно, хищно зарычал, перемалывая овсянку вместе с остатками моей автоматической заботы. Звук механизма был грубым, индустриальным, и он на несколько секунд удачно заглушил ту звенящую, мертвую пустоту, которая со вчерашнего дня поселилась в доме Логвиновых. Я выключила воду. Стало еще тише.

Бездействие пугало меня больше, чем перспектива истерики. Если я сейчас просто сяду на диван в гостиной, гравитация этой тишины меня раздавит. Пловцы знают: чтобы не пойти ко дну, нужно совершать равномерные физические усилия.

Я поднялась на второй этаж, в ванную комнату Павла. Здесь, в замкнутом пространстве, выложенном темной матовой плиткой, все еще витал этот проклятый ментолово-камфорный дух его новой, молодой жизни, смешанный с запахом дорогого кедрового лосьона после бритья. Воздух казался густым и липким от чужого присутствия.

Я открыла шкафчик под раковиной. Достала плотные желтые резиновые перчатки и бутылку жесткого чистящего геля с хлором. Никаких мягких эко-средств с запахом лаванды или цитрусов. Мне нужна была агрессивная химия, способная выжечь органику до основания.

Опустившись на колени перед просторной стеклянной душевой кабиной, я начала методично тереть швы между плитками жесткой синтетической щеткой. Хлорный запах мгновенно ударил в нос, вышибая слезы, но это были правильные слезы, чисто физиологическая реакция слизистой на раздражитель, а не жалость к себе. От жесткого ворса напольного коврика быстро начали саднить колени, в поясницу медленно, как ледяная змея, вползала тупая, ноющая боль. Но эта мышечная тяжесть заземляла меня. Боль в суставах была настоящей, осязаемой, понятной, ее можно было контролировать силой нажима на пластиковую ручку щетки.

Я терла темный кафель, вычищала раковину, полировала зеркала. Я переходила из комнаты в комнату несколько часов подряд, стирая невидимые следы Павла Логвинова из своего дома так же хладнокровно, как хирурги вычищают рану от некроза. В моем возрасте ты уже не питаешь иллюзий о том, что время лечит все само по себе. Время лечит только в том случае, если ты предварительно проведешь хорошую дезинфекцию.

Резкий, требовательный звон домофона разорвал тишину дома только ближе к вечеру, когда солнце уже начало клониться к лесу за нашим поселком. Щетка с глухим стуком выскользнула из пальцев. Я стянула перчатки, бросила их в ведро и пошла вниз, чувствуя, как мелко и противно дрожат перенапряженные икроножные мышцы.

- Бросай химию, Владочка. От призраков хлорка не спасает, - с порога заявила Зинаида, едва я открыла тяжелую входную дверь.

Моя единственная близкая подруга шагнула в светлую прихожую, принесла с собой с улицы резкий запах влажной осенней листвы, тонкого табака и терпких, тяжелых духов. Зина была заведующей городским краеведческим музеем, женщиной громкой, угловатой и пугающе проницательной. На ней было накинуто объемное шерстяное пальто цвета мокрого асфальта, а на пальцах левой руки привычно звякнули массивные серебряные кольца ручной работы. Она пережила три развода и знала о мужской природе больше, чем любой психоаналитик.

Зина не стала бросаться ко мне с утешительными, липкими объятиями. Не стала заглядывать в глаза с той приторной жалостью, которую так любят демонстрировать женщины по отношению к брошенным подругам. Она просто окинула меня цепким взглядом, считывая мое состояние по напряженной линии плеч и бледным щекам, а затем решительно прошла на кухню. На дубовую столешницу острова с глухим стуком опустилась бутылка тяжелого, темного красного вина.

- Доставай бокалы. И штопор, - скомандовала она, скидывая пальто на высокий барный стул.

Я молча открыла верхний шкафчик.

- Я не хочу напиваться, Зин, - мой голос прозвучал сухо и сипло, словно я долго бежала на морозе против ветра. - Мне нужно соображать.

- А мы не будем напиваться. Мы будем дезинфицировать реальность изнутри, - она взяла из моих рук штопор и мастерски, с профессиональной точностью вкрутила стальную спираль в упругую пробку. Короткий рывок, глухой хлопок. - Пей.

Она налила мне буквально на два пальца. Вино оказалось жестким, с выраженной танинной терпкостью, оставляющим на корне языка вяжущее ощущение. Это было именно то, что нужно. Никакой сладкой, полусухой патоки, от которой потом только сильнее болит голова.

Зинаида присела на стул напротив меня. Я осталась стоять, прислонившись бедром к прохладному краю каменной раковины.

- Озерск - город маленький, Влада. Считаю, разросшаяся деревня вокруг озера. Ты же понимаешь, что местное сарафанное радио уже работает на всех частотах? - она смотрела на меня в упор поверх своего бокала.

- Быстро, - я покрутила бокал за тонкую ножку. - И что говорят?

Я ожидала услышать классические провинциальные сплетни. Ожидала, что Павла заклеят стареющим дураком, бросившим семью ради упругого молодого тела. Что меня будут жалеть, как несчастную, пожертвовавшую собой жену. Но Зина криво усмехнулась, и в этой короткой усмешке было столько концентрированного яда, что им можно было бы отравить всю воду в моем огромном аквариуме.

- А говорят, Владочка, что твой бывший муж - просто герой нашего времени. Сегодня Арарат в кофейне возле спорткомплекса сам лично выносил им двойной эспresso. Павел привез свою Анфису на тренировку. Открыто, без прятков по углам, на своей чистенькой машине. И знаешь, что обсуждают люди за соседними столиками?

Я отрицательно покачала головой, чувствуя, как где-то под ребрами начинает зарождаться неприятный, колющий холодок.

- Они обсуждают, как достойно он поступил, - Зинаида с отвращением выплюнула это слово, словно оно горчило сильнее вина. - Буквально цитирую: "Вы слышали? Логвинов ушел от жены к молодой врачихе. Но как ушел! Оставил Владе роскошный дом, забрал только один

чемодан с личными вещами, сказал, что сам будет оплачивать все счета и чистку снега. Никакой дележки имущества, никаких судов. Настоящий мужик, не то что мой бывший, который даже микроволновку при разводе вывез".

Зина сделала глоток и звонко стукнула доньшком стеклянного бокала по дубовой доске.

- Он не ушел, Влада. Он купил себе кристально чистую репутацию. Святой кобель. Заплатил за свое комфортное алиби квадратными метрами и оплаченной коммуналкой.

Ледяная ясность, сравнимая только с погружением в неотапливаемый бассейн, затопила мое сознание. Пазл, который не давал мне покоя со вчерашнего утра, сошелся с идеальным, глухим щелчком. Вот почему Павел вел себя так хирургически стерильно во время сборов чемодана. Вот зачем он так педантично перечислял мне оплаченные автоплатежи за газ и охрану. Он не заботился обо мне. Он выстраивал ловушку. Свой личный пьедестал.

Если я сейчас начну возмущаться, если попытаюсь рассказать кому-то правду о его предательстве, о запахе дешевой камфоры, о том, как он хладнокровно вычеркнул меня из своей жизни ради иллюзии собственной физической молодости - я моментально стану в глазах общества неадекватной, неблагодарной бабкой. Женщиной, которая бесится с жиру, ведь муж ей "абсолютно все оставил и поступил как джентльмен".

Меня заперли в золотой клетке моего же собственного идеального дома, назначив на роль мудрой, доживающей свой век старушки. Старушки, которая должна понимающе кивать головой и с благоговением принимать подачи от великодушного бывшего мужа. Мое право на гнев было элегантно куплено и аннулировано.

Я посмотрела на идеально чистую кухонную столешницу. Иллюзия благородства Павла Логвинова оказалась прочнее строительного бетона. Он мастерски оставил меня в социальном вакууме.

Через час Зинаида засобиралась домой. Вызвала такси и долго застегивала пальто в прихожей.

- Не смей быть удобной, Влада, - сказала она на прощание, глядя мне прямо в глаза. - Удобная мебель быстро изнашивается и отправляется на свалку. А ты у нас не мебель. Помни об этом.

Тяжелый замок сухо щелкнул, окончательно отрезая меня от внешнего мира.

На дом Логвиновых быстро, по-осеннему незаметно опускались сумерки. Я не стала включать верхний свет в холле или на лестнице. Медленно прошла в просторную гостиную и остановилась по центру комнаты.

В полумраке ярко горела только профессиональная диодная лампа над моим пятисотлитровым аквариумом, встроенным в нишу. Плотный, холодный свет пробивался сквозь чистую толщу воды, преломлялся в толстом осветленном стекле и отбрасывал на полированный дубовый паркет длинные, дрожащие зеленоватые тени, похожие на водоросли. На самом дне, среди фактурных камней и мелкого кварцевого песка, лежал утопленный мною вчера винтажный секундомер Павла. Вода полностью заполнила его механизм, навсегда остановив бег стрелок.

Я обвела взглядом комнату. Массивное кожаное кресло, высокие книжные шкафы ручной работы, тяжелые, дорогие портьеры на окнах. Раньше все эти тщательно подобранные вещи давали мне чувство защищенности. Это была моя территория, моя личная, выстроенная по кирпичику крепость. Но теперь, в этой токсичной, навязанной мне тишине, дом казался просто очень дорогим, просторным склепом. Склепом, в котором мне надлежало заживо мумифицироваться в статусе покинутой, но обеспеченной жены.

Тишину комнаты внезапно разорвал резкий, зудящий звук.

Мой мобильный телефон лежал на жесткой деревянной столешнице низкого журнального столика у дивана. Аппарат был переведен в беззвучный режим, но вибрация передавалась по плотному массиву дерева, многократно усиливаясь. Звук дребезжал, раздражая слух, словно сорвавшееся сверло дантиста. Дззз. Дззз. Дззз.

Я медленно подошла к столу. На светящемся в темноте экране высвечивалось всего одно слово: "Дочь".

Я смотрела на прыгающие по экрану пиксели и физически чувствовала, как сжимается моя диафрагма. Если совершенно чужие люди в городе так легко поверили в фальшивое благородство Павла, то этот звонок от Насти станет моим первым настоящим испытанием на прочность.

Я сделала ровный, глубокий вдох, словно готовилась к прыжку с высокой тумбы в ледяную воду, и потянулась рукой к светящемуся стеклу.

Глава 4. Удар под дых

- Mam, только давай без драмы, хорошо? Мы все взрослые люди.

Голос Насти звучал из динамика телефона нарочито бодро, с теми самыми отточенными интонациями корпоративного переговорщика, которые она обычно использовала на совещаниях. На заднем фоне в ее квартире шипела сковородка, приглушенно бубнил телевизор, а где-то вдалеке звонко кричал мой десятилетний внук Витик, требуя немедленно найти его красные кроссовки. Эта плотная, живая, бытовая суeta на другом конце провода резко контрастировала с мертвой акустикой моего огромного дома. Мир Насти не рухнул. Ее жизнь продолжала движение по привычной орбите, в то время как моя вселенная сутки назад раскололась на две неравные части.

- Папа очень переживает за тебя, - вещала дочь, старательно обходя острые углы и заполняя эфир заученными фразами. - Он звонил мне сегодня днем. Сказал, что оставил тебе дом, оплатил все базовые счета за зиму. Mam, ну согласись, он поступил честно. Не стал ничего делить, скандалить по судам, забирать мебель и машину. Он просто прямо признался, что влюбился. Такое бывает, люди меняются, выходят из зоны комфорта. У него есть право на счастье в конце концов. И у тебя оно есть! Тебе просто нужно немного времени, чтобы перестроиться. Экологично завершить этот этап.

Слово "экологично" резануло по ушам сильнее, чем визг циркулярной пилы по металлу. Если бы человеческая трусость могла генерировать электричество, моя единственная дочь могла бы освещать небольшой микрорайон.

Я смотрела на темный экран выключенного телевизора в гостиной, где смутно отражался мой неподвижный силуэт. Фраза "мы взрослые люди" давно стала универсальным современным щитом для любой подлости. Ей прикрываются, когда хотят узаконить предательство, когда ленятся нести ответственность, когда хладнокровно бросают того, кто стал неудобен. Будто взрослость измеряется исключительно способностью бесстрастно жевать битое стекло и притворяться, что это сладкая вата.

Я не перебивала Настю. Во мне включилась странная, пугающая, почти хирургическая ясность. Я препарировала мотивы собственной дочери и понимала: мой бывший муж уже провел с ней идеальное собеседование. Павел, как любой первоклассный спринтер, всегда умел работать на опережение. Он позвонил ей первым и мастерски продал свою версию событий, выстроив себе пьедестал благородного рыцаря.

А Настя... Настя не была слепой или от природы жестокой. Она была просто до одури напугана. У нее самой был стабильный, скучноватый брак с Виталиком, ипотека, карьера HR-директора в крупной логистической компании. Если она сейчас признает своего авторитетного, идеального отца банальным стареющим предателем, ей придется встать на мою сторону. Придется вычеркнуть его из своей жизни, открыто конфликтовать, рушить красивую картинку благополучной семьи, в которую она так отчаянно верила. Гораздо проще и безопаснее "загазлайтить" собственную мать. Назначить Павла прогрессивным джентльменом, а от меня потребовать удобной, не доставляющей никому хлопот, стерильной мудрости.

Мое тело реагировало на этот словесный поток чисто физиологически, словно на введение токсина. Слизистая во рту пересохла настолько, что язык казался шершавым, покрытым мелкозернистым песком. Сглотнуть было тяжело, будто в горле застрял ком сухой земли. Мышцы спины, вдоль позвоночника, стянуло жестким, болезненным корсетом напряжения. Я стояла у дубового журнального столика, прижимая гладкий, нагретый от моей щеки корпус телефона к уху, и чувствовала, как от попытки не стиснуть зубы в челюсти сухо и неприятно щелкает сустав.

- В эту субботу Витику исполняется десять, - Настя сменила тон на более высокий, торопливый. Этот тембр я тоже знала. Так она говорила в подростковом возрасте, когда просила денег на концерт, заранее зная, что я не одобрю группу. - Мы сняли тот новый лофт на Южной, с огромными батутами и аниматорами-роботами. Витик очень тебя ждет. Я собираю всех к трем часам дня.

- Я приеду, - сухо ответила я, глядя, как пылинки медленно кружат в луче света от уличного фонаря, пробивающемся сквозь тяжелые портьеры.

- Мам... - Настя запнулась. Послышался звук, словно она отставила сковородку на другую конфорку, выгадывая секунды. - Папа тоже приедет. Я не могла его не пригласить. Он дед, Витик его обожает. И... он спросил, можно ли ему прийти с Анфисой. Они ведь теперь пара. Я согласилась.

Воздух в гостиной мгновенно приобрел плотность мокрого бетона. Он сдавил ребра, не давая сделать полноценный вдох.

- Ты пригласила любовницу отца на день рождения моего внука? - мой голос прозвучал так тихо и ровно, что Насте пришлось переспросить. Я не стала повторять, позволяя вопросу повиснуть в линии связи, как гильотине.

- Мама, ну какая любовница? Зачем ты используешь эти маргинальные ярлыки? - мгновенно вспыхнула Настя, переходя в глухую оборону своей комфортной иллюзии. - Они живут вместе. Это его партнер. Я понимаю, тебе сейчас больно и неприятно, но эта девушка не виновата, что у вас с папой прошла искра. Неужели ты не можешь быть выше этого? Это праздник твоего единственного внука, мама. Ты же не устроишь истерику из-за своей уязвленной гордости? Папа просил передать, что он надеется на твое благоразумие.

Партнер. Мне на долю секунды захотелось рассмеяться. В спорте партнером называют того, с кем ты бежишь эстафету, кому передаешь палочку, зная, что он не уронит ее на вираже. Анфисе было тридцать четыре. Она была на год младше моей собственной дочери. Какой она могла быть партнершей для мужчины, которому скоро предстоит пить таблетки от давления по расписанию? Она была не партнером. Она была его живым допингом. Запрещенным препаратом, который колют перед стартом, чтобы обмануть изношенный организм и пробежать еще сто метров, прежде чем таймер остановится. Но страх старости оказался у Павла сильнее здравого смысла.

И теперь он передавал мне указания через дочь, как тренер, инструктирующий отработавшего игрока.

Моя левая рука покоилась на столешнице. Пальцы рефлекторно сжались. Я с такой силой впиалась ногтем большого пальца в неровный стык деревянной фанки, что под кожу глубоко вошла микроскопическая, острая заноза. Резкая, точечная боль прошла палец. И эта осязаемая боль стала моим физическим якорем. Она выдернула меня из вязкого болота эмоций, заставив мозг работать по старым, выверенным алгоритмам.

Я не стала кричать в трубку, что ее отец - эгоист. Я не стала умолять Настю отменить приглашение этой девицы или выбирать между мной и ими. В плавании на открытой воде есть одно железное правило выживания. Если ты попал в отбойное течение - узкую, невидимую глазу мощную реку, которая со скоростью курьерского поезда тащит тебя от берега в открытый океан, - твой панический инстинкт самосохранения всегда орет тебе плыть прямо к суше.

И это главная, смертельная ошибка. Начнешь бороться с течением в лоб, попытаешься перебить стихию - сожжешь все мышечные резервы за три минуты. Ты запаникуешь, мышцы мгновенно забьются молочной кислотой, ты наглотаешься воды и пойдешь ко дну, так и не сдвинувшись с места ни на метр. Отбойное течение нельзя победить грубой силой. Его нужно перехитрить. Нужно заставить себя расслабиться, лечь на воду и плыть параллельно берегу, пока смертоносный поток не ослабнет и не выпустит тебя сам.

Павел выстроил идеальную социальную ловушку. Он расставил фигуры на доске так, что мой любой прямой эмоциональный шаг вел к неминуемому поражению. Если я сейчас взорвусь, пошлю дочь к черту, откажусь приходить или, хуже того, приду и устрою базарный скандал с Анфисой на глазах у детей - я проиграю. Я моментально стану в глазах Насти, Виталика и всех общих знакомых той самой неадекватной, токсичной старухой, которая разрушает детский праздник из банальной женской ревности. А Павел на моем фоне засияет еще ярче. Более того, Настя подсознательно только и ждала моего срыва. Мой гнев мгновенно легитимизировал бы ее выбор. И самое страшное - я потеряла бы доступ к внуку. Меня просто изолировали бы как элемент, нарушающий "экологичную" обстановку.

Я сделала короткий, дозированный выдох через нос. Заноза под ногтем пульсировала в такт сердечному ритму. Раз. Два. Три. Кислород пошел в кровь.

- Скинь точный адрес лофта в мессенджер, - произнесла я абсолютно ровно. Никаких вибраций в голосе. Стерильный, гладкий тон, от которого мороз дерет по коже.

- Правда? - Настя шумно, с невероятным, почти детским облегчением выдохнула в трубку. Она была искренне рада, что ей не придется иметь дело с моими реальными чувствами. - Mamочка, спасибо тебе! Ты у меня самая мудрая. Я так рада, что мы все преодолеем без грязи. Витик будет счастлив. Целую, до субботы!

Короткие гудки отрезали меня от ее мира. Я убрала телефон от уха.

Сжимая замолчавший аппарат в руке, я медленно прошла через полутемный холл на кухню, чувствуя, как босые ступни привычно ступают по прохладному керамограниту. В доме снова воцарилась тишина, но теперь она не давила на меня, как вчера. Оглушающий, пугающий вакуум исчез. Дом снова стал просто набором крепких стен, бетонных перекрытий и дорогой мебели.

Павел был свято уверен, что запер меня в комфортабельном загоне. "Оставил дом, оплатил коммуналку". Как будто я была недееспособным подростком, которому оставили миску с едой и велели не лаять на новых гостей. Он надеялся, что эта недвижимость станет моим персональным склепом, где я буду годами смахивать пыль с его кубков.

Я подошла к столешнице острова. Положила телефон перед собой и, отсканировав лицо, открыла банковское приложение.

Я никогда не была наивной, зависимой девочкой из бульварных романов, которая при разводе внезапно обнаруживает отсутствие денег на кусок хлеба. Пока Павел годами покупал свои хромированные секундомеры и вкладывался в обслуживание дорогих автомобилей, чтобы тешить свое эго, я методично формировала свою финансовую подушку. Мои индивидуальные накопительные счета, о которых муж имел лишь очень поверхностное представление, были надежно защищены.

Я внимательно просмотрела выписки. Цифры на экране успокаивали лучше любой медитации. Мой личный, неприкосновенный фонд был в абсолютном порядке. Мне не нужно было унижаться и просить у бывшего мужа подачек на ремонт газового котла, зимнюю резину или чистку снега. Я была полностью автономна. В моем возрасте финансовая независимость - это не просто возможность купить новую вещь. Это базовая плотность твоей социальной брони. Это абсолютное право в любой момент встать и выйти из чужой игры, не опасаясь остаться ночевать на улице. Убедившись, что фундамент подо мной залит качественным бетоном и не имеет трещин, я заблокировала экран.

Затем я направилась в ванную комнату на первом этаже. Щелкнула выключателем, активировав мощную, безжалостную диодную подсветку над раковиной. Белый свет резко высветил мелкие морщинки у моих глаз и плотно сжатые, побледневшие губы женщины, которая не собиралась сдаваться.

Я достала из стеклянного стаканчика острый медицинский пинцет. Поместив большой палец под самый яркий луч света, я прицелилась. Деревянная щепка сидела глубоко под краем

ногтевой пластины. Я аккуратно подцепила край воспаленной кожи стальными щипчиками. Острая, очищающая вспышка боли заставила меня на секунду задержать дыхание. Одно точное, выверенное движение кисти - и деревянная игла вышла наружу.

На ее месте тут же набухла крупная, густая капля крови. Я открыла кран и подставила палец под жесткую струю ледяной воды. Кровь быстро смылась в металлический слив, оставив на коже лишь крошечную, ноющую точку. Боль начала отступать, уступая место холодной, как эта вода, идеальной сосредоточенности.

В эту субботу мне предстоит выйти на чужую, отравленную территорию. И к этому старту я подойду в своей лучшей форме.

Глава 5. Иллюзия скорости

Резкий, хлесткий удар жесткой подошвы спринтерских шиповок о красное тартановое покрытие манежа отдался глубокой вибрацией в икроножных мышцах. Двадцать метров до финишной черты. Я чуть подал корпус вперед, опустил подбородок, блокируя периферийное зрение, и заставил себя сделать мощный, акцентированный выброс правого бедра. Биомеханика короткого спринта не прощает суеты и лишних движений. Рядом, буквально в полуметре правее, тяжело и неритмично сопел Денис - один из самых перспективных юниоров нашей областной сборной. Парню в прошлом месяце исполнилось двадцать два. Мне через пару месяцев стукнет шестьдесят три. И сейчас мы шли ноздря в ноздю.

Мои легкие горели, перекачивая сухой, пропитанный запахом жженой резины и пыльной магнезии воздух старого советского спорткомплекса. Сердце колотилось где-то у самого основания горла, выбивая рваный ритм, явно превышающий безопасные возрастные нормы, прописанные в медицинских справочниках по спортивной кардиологии. Но я не собирался сбрасывать скорость. На бровке, у самого финишного створа, стояла Анфиса. На ней были облегающие темные легинсы и укороченный спортивный топ, а в руке она держала профессиональный электронный секундомер. Я видел краем глаза, как внимательно она следит за моей техникой. И это молодое, оценивающее женское внимание работало лучше любого запрещенного допинга.

Мы пересекли белую черту одновременно. Денис по инерции пробежал еще метров пятнадцать, тяжело затормозил, согнулся пополам, уперев влажные ладони в колени, и сплюнул на дорожку. Молодость выезжает на чистой, грубой силе, не умея экономить ресурс. Я же заставил себя выпрямить спину. Медленно, контролируя каждый вдох, перешел на пружинящий шаг. Лицо должно оставаться невозмутимым. Никаких открытых ртов, спазматического хватания воздуха и дрожащих коленей.

- Двенадцать и три десятых, - Анфиса нажала кнопку секундомера и подняла на меня глаза, в которых читалось абсолютно искреннее восхищение. - Паша, ты монстр. Для твоего возраста это феноменальный результат. Ты ему даже фору не дал.

- Возраст - это просто инвентарный номер в паспорте для тех, кто ленится работать над своей базой, - ровно ответил я, забирая у нее из рук пластиковую бутылку с ледяным изотоником.

Жидкость показалась божественной, смыв мерзкий металлический привкус с корня языка. В крови пульсировала та самая первобытная, хищная радость, которую испытывает хирург после сложнейшей многочасовой операции. Мое тело, несмотря на годы износа, функционировало безупречно. Я смотрел на Анфису, на ее гладкую, светящуюся кожу, на то, как легко она перекачивается с пятки на носок, и понимал, что неделю назад сделал единственно верный выбор. Я отказался стареть. Отказался медленно превращаться в карикатурного пенсионера, обсуждающего скачки давления на веранде загородного дома. Я вырвал себя из статики.

Спустя сорок минут, приняв горячий душ в тренерской раздевалке и переодевшись, мы сидели за небольшим круглым столиком в кофейне у Арарата, расположенной прямо на первом этаже спорткомплекса. За огромными панорамными окнами шумел субботний Озерск.

Арарат, грузный мужчина с густыми седыми усами, сам принес наш заказ. За эту неделю мы стали здесь завсегдатаями. Он уважительно, почти заискивающе кивнул мне, поставив на стол чашку двойного эспрессо и высокий стеклянный стакан с модным зеленым матча на миндальном молоке для Анфисы. В его взгляде не было ни капли провинциального осуждения. Напротив, в нашем городе традиционно уважают сильных мужчин, умеющих брать от жизни свое и не прячущихся по углам.

Анфиса сделала глоток через толстую бумажную трубочку и задумчиво покрутила в руках свой смартфон.

- Я заказала Витику ту радиоуправляемую модель багги, которую мы смотрели в четверг, - сказала она, смахивая уведомления на экране. - Курьер привезет ее прямо в лофт к трем часам. Коробка огромная, в багажник бы не влезла. Слушай, Паш... А Влада точно не устроит нам там показательное выступление?

Я сделал небольшой глоток кофе. Темная, густая арабика приятно обожгла горло, возвращая ясность мыслям.

- О чем ты? - я чуть приподнял бровь, откидываясь на жесткую спинку венского стула.

- Ну, знаешь, эти классические сцены из дешевых сериалов, - Анфиса пожалала плечами. В ее голосе не было злости или издевки, только легкое, почти клиническое любопытство молодости, которая свято верит в свою неуязвимость. - Слезы, битые посуды, обвинения на глазах у гостей и аниматоров. Я видела таких брошенных жен в клинике, когда работала реабилитологом. У них часто слетают тормоза на фоне стресса, особенно когда они видят бывших с новыми партнерами. Разрыв ведь совсем свежий. Насте на дне рождения сына такие сюрпризы точно не нужны.

Я снисходительно усмехнулся, глядя на пенку в своей чашке. Как же мало эта тридцатичетырехлетняя девочка понимала психологию людей моего поколения.

- Анфиса, ты судишь по каким-то маргинальным шаблонам, - произнес я абсолютно спокойно, выдерживая зрительный контакт. - Влада не из тех, кто бьет тарелки или закатывает базарные истерики. У нее феноменальная, чисто спортивная выдержка. К тому же, давай будем объективны: у нее нет никаких реальных причин для скандала или ненависти. Я не сбежал под покровом ночи, прихватив наши семейные сбережения. Я оставил ей капитальный дом, в который вложил массу сил. Я взял на себя все базовые коммунальные и бытовые расходы. Она живет в полном комфорте, в своей привычной, защищенной среде.

Я искренне верил в каждое произнесенное слово. В моей системе координат мой уход был эталоном мужского благородства. Я видел, как разводятся мои ровесники: унижительные суды за каждую табуретку, дележка машин, попытки вышвырнуть бывших жен из квартир. На их фоне мой поступок сиял кристальной чистотой. Я купил Владе безбедную, спокойную жизнь, о которой мечтают миллионы. Ей просто нужно время, чтобы перестроить свои графики.

- Мы расстались экологично, как сейчас модно говорить, - добавил я, намеренно используя ее терминологию. - Влада умная женщина. Сегодня на празднике она будет вести себя безупречно, вот увидишь. Настя вчера говорила с ней по телефону, они все уладили. Мы остаемся семьей, просто в новом, расширенном формате.

Анфиса кивнула, удовлетворенная моим ответом, и переключила внимание на статью о биохакинге в телефоне. А я смотрел на улицу и чувствовал приятное, тяжелое тепло от осознания собственного контроля над ситуацией. Я смог разрубить тридцатилетний узел так филигранно, что никто даже не испачкался. Единственное, о чем я слегка жалел в это утро - это мой винтажный секундомер "Агат", который я в спешке оставил на комод в гостиной нашего дома. Я восстанавливал его механизм полгода. Нужно будет попросить Владу передать его через Настю.

К часу дня мы приехали в нашу новую квартиру. Я снял ее в престижном, тихом районе, примыкающем к парку. Это была просторная евродвушка со свежим минималистичным ремонтом. Единственным ее минусом, о котором я совершенно не подумал при подписании договора аренды, был четвертый этаж в историческом здании старого фонда. Высокие потолки - это прекрасно, но полное отсутствие лифта меняло правила игры.

Мы зашли в полутемный подъезд. Анфиса, увлеченно записывая голосовое сообщение кому-то из подруг, легко взлетела по широким бетонным ступеням. Ее массивные кроссовки

едва касались пола. Я пошел следом, неся в левой руке свою тяжелую кожаную спортивную сумку.

Первые два пролета я преодолел в привычном рабочем темпе. Но на уровне третьего этажа физиология жестоко напомнила о себе. Утренняя пиковая нагрузка на манеже не прошла бесследно. Правое колено - то самое, в котором тридцать лет назад хирурги буквально по крупичкам собирали разорванный мениск, - внезапно отозвалось резкой, стягивающей болью. Словно внутрь суставной сумки плеснули горячего свинца, а хрящ начал тереться о кость. Дыхание мгновенно сбилось, стало поверхностным и сиплым.

Я замер на лестничной клетке. Анфиса уже скрылась на пролет выше, звук ее шагов стих за поворотом. Я крепче сжал свободной рукой шершавые, выкрашенные коричневой краской деревянные перила, перенося часть своего веса на руки. Достал из кармана смартфон и уставился в темный экран, делая вид, что читаю важное сообщение от руководства федерации. Раз, два, три. Я заставил себя сделать глубокий выдох. Пульс тяжело и глухо гудел в висках.

- Паш, ты где там застрял? - голос Анфисы донесся сверху вместе со щелчком открываемого дверного замка.

- Иду. Отвечал главному по поводу сборов, - ровно, без единой хрипотцы отозвался я.

Я выпрямил спину, проигнорировал пульсирующую боль под коленной чашечкой и уверенно, перенося вес на здоровую ногу, поднялся на последний этаж. Никто не должен видеть моей слабости. Особенно женщина, ради которой ты решил обнулить свой таймер. Зайдя в квартиру, я первым делом направился на кухню и, пока Анфиса разувалась в коридоре, незаметно выдал из блистера таблетку мощного противовоспалительного. Проглотил ее сухой, запив ледяной водой прямо из-под фильтра.

Время близилось к двум часам. Пора было собираться на день рождения.

Я прошел в спальню, где вдоль стены располагался огромный встроенный шкаф. Я никогда не понимал мужчин, которые после развода мгновенно деградируют и превращаются в жалких бытовых инвалидов, не способных найти чистые носки без указки жены. Дисциплина - основа спорта. Еще в четверг, в свой обеденный перерыв, я заехал в премиальную химчистку и забрал свои подготовленные вещи.

Я расстегнул молнию на плотном темном кофре и достал идеально выглаженную рубашку из тонкого итальянского хлопка цвета графита. Ткань приятно и прохладно скользнула по пальцам. Подобрал к ней легкий кашемировый джемпер с V-образным вырезом и строгие темные брюки. Никаких мешковатых стариковских джинсов или вельветовых пиджаков с заплатками на локтях. Одежда должна сидеть безупречно, подчеркивая ширину плеч. Я застегнул пуговицы на манжетах, с удовлетворением отмечая про себя, что пальцы не дрожат, а боль в колене под действием таблетки начала медленно отступать.

Я подошел к большому ростовому зеркалу в коридоре. Оттуда на меня смотрел высокий, лощеный мужчина с благородной, аккуратной проседью на висках. Цепкий взгляд, прямая, как струна, осанка. Я выглядел дорого. Я выглядел как человек, который твердо держит штурвал.

Из спальни вышла Анфиса. На ней были стильные широкие джинсы с высокой посадкой, белый кроп-топ, слегка приоткрывающий рельефный живот, и объемный пиджак фисташкового цвета. На ногах - массивные белоснежные кроссовки на толстой подошве. Она выглядела свежо, дерзко и абсолютно органично в своей небрежной молодости.

Она подошла ко мне сзади, по-хозяйски положив теплые ладони мне на плечи, и посмотрела на наше совместное отражение в зеркале.

- Отлично смотримся, - улыбнулась она, заботливо поправляя воротник моего джемпера. - Готов к встрече с родственниками?

- Более чем, - я надел на левое запястье свои любимые швейцарские часы на тяжелом стальном браслете. Замок издал сухой, надежный щелчок.

Я был абсолютно спокоен. Сегодня я войду в зал лофта не как провинившийся, поджавший хвост беглец, а как глава семьи, имеющий право на честный выбор. Я покажу дочери, что моя новая жизнь - это осознанный шаг вперед. А Влада... Влада просто в очередной раз подтвердит свою роль мудрой женщины, принимающей неизбежное с достоинством. По-другому в моей идеально выстроенной реальности быть просто не могло.

- Поехали, - сказал я, открывая перед Анфисой входную дверь. - Не люблю опаздывать.

Глава 6. Надевая лицо

Плотная крафтовая бумага поддавалась не сразу. Она была упругой, чуть шершавой на ощупь, и чтобы зафиксировать идеальный, ровный стигб на углу большой картонной коробки, мне приходилось с силой проводить по нему ногтем большого пальца. Звук получался сухой, бумажный и резкий.

Я стояла за кухонным островом, методично упаковывая подарок для внука. Витику исполнилось десять лет - возраст, когда мальчишкам обычно дарят что-то шумное, мигающее и быстро ломающееся. Но я выбрала огромный, сложный архитектурный конструктор. Набор из нескольких тысяч мельчайших деталей, из которых по чертежам собиралась точная копия старинного замка. Эта вещь требовала вдумчивости, усидчивости и понимания того, как фундамент держит на себе несущие стены. Мне казалось правильным подарить ему что-то, что учит созидать, а не просто жать на кнопки пульта управления.

Завязав надежный узел из толстой джутовой нити, я отложила ножницы в сторону. Металл звякнул о каменную столешницу. Я провела ладонью по гладкой поверхности упакованной коробки, чувствуя под пальцами плотность крафта.

Мой мозг работал с холодной, почти отстраненной ясностью. Проводя подушечками пальцев по острым граням картона, я препарировала ситуацию, в которой оказалась. Я точно знала, какой именно меня хотят видеть сегодня все эти люди, приглашенные в арендованный лофт. Обществу, нашим общим знакомым, моей собственной дочери и, конечно же, Павлу был жизненно необходим один конкретный спектакль. Им нужна была брошенная, бледная, увядающая жена с глазами побитой собаки. Женщина, которая всем своим видом транслирует покорность судьбе и благородную скорбь на фоне молодой, пышущей энергией любовницы. Моя тихая, удобная драма стала бы для них отличным амортизатором. Она легитимизировала бы выбор Павла. Ведь если я принимаю удар с покорно опущенной головой, значит, он действительно поступил как джентльмен, оставив меня доживать свой век в оплаченном комфорте.

- Я не дам вам этого утешения, - произнесла я вслух. Мой голос прозвучал в пустой кухне сухо и буднично, словно я комментировала прогноз погоды за окном.

Желудок напомнил о себе легким, тянущим спазмом. В дешевых сериалах женщины в моем положении обычно сутками смотрят в одну точку, забывая о еде и медленно истощаясь на нервной почве. Но моя физиология, натренированная годами спортивного режима, функционировала по своим строгим правилам. Стресс не отменял базовых потребностей организма.

Я подошла к плите, включила конфорку и разогрела в небольшом сотейнике порцию густого грибного супа-пюре, который сварила еще вчера вечером. Налила его в глубокую керамическую пиалу, отрезала ломоть темного зернового хлеба. Я ела стоя, глядя на ровный геометрический узор керамогранита на полу. Суп был горячим, с ярким землистым вкусом шампиньонов и легкой сливочной ноткой. Теплая тяжесть медленно опустилась в желудок, заземляя меня, возвращая ощущение собственного веса в пространстве. Допив приготовленный в кофемашине двойной эспрессо, я сполоснула посуду и поставила ее в сушилку. Мой быт работал как швейцарские часы. Я была жива, я была сыта, и я контролировала свою территорию.

Оставалось чуть меньше часа до того момента, как мне нужно будет выйти из дома. Я поднялась на второй этаж, в гардеробную.

Ступни привычно ощущали плотность дубовых ступеней, но в самом низу поясницы, прямо над крестцом, тянула знакомая, тупая боль. Я не пыталась ее игнорировать. Мне шестьдесят лет. Мои суставы помнят тысячи километров на плавательных дорожках, помнят тяжесть беременностей, помнят десятилетия стояния у плиты и работы в саду. Глупо притворяться девочкой, когда твое тело хранит подробную карту прожитой жизни.

Я подошла к длинному ряду вешалок. Рука не потянулась ни к ярким цветам, ни к бесформенным кардиганам. Я сняла с плечиков свой любимый брючный костюм из плотной, тяжелой смесовой шерсти цвета графита. В нем не было ничего от пресловутой "брони" из женских романов. Это была просто очень качественная, архитектурно выверенная вещь. Я переоделась, ощущая, как прохладная шелковая подкладка скользит по коже. Ткань костюма имела свой собственный вес, она ложилась на плечи так, что заставляла рефлекторно выпрямить спину и развернуть грудную клетку. Широкие брюки идеально скрывали легкую отечность коленей.

Сев перед зеркалом у туалетного столика, я посмотрела на свое лицо. Прямой, жесткий свет высвечивал сеточку морщин у глаз и чуть углубившиеся носогубные складки. Кожа казалась бледнее обычного, сероватой от накопившегося за последние дни недосыпа. Я не стала наносить тональный крем плотным слоем, пытаюсь стереть возраст. Взяла сухую кисть, сделала пару легких штрихов пудрой, чтобы убрать лишний блеск. Провела по губам матовой помадой приглушенного ягодного оттенка. Минимум косметики. Мое лицо должно быть обтекаемым, лишенным лишних деталей, за которые мог бы зацепиться чужой, жадный до эмоций взгляд.

Я застегнула на левом запястье тонкие механические часы на кожаном ремешке. Привычный, успокаивающий жест. Затем спустилась вниз, в прихожую.

Сняла с вешалки прямое осеннее пальто из темного драпа. Накинула его на плечи, поправила воротник. До выхода оставалось пятнадцать минут, когда тишину холла разорвал вибрирующий звук мобильного телефона, лежащего на банкетке.

На экране светилось имя дочери.

Я не стала торопиться. Позволила аппарату провибрировать трижды, прежде чем провела пальцем по стеклу и поднесла телефон к уху.

- Да, Настя.

- Mam, ты как? Выезжаешь? - ее голос звучал на полтона выше обычного. На заднем фоне в трубке ухали тяжелые басы музыкальной колонки, кто-то из детей звонко кричал, требуя включить лазерную установку, шурушали пакеты. Плотный, суетливый хаос детского праздника.

- Выхожу через пять минут. Подарок у меня, - ответила я ровно, без малейшей эмоциональной окраски.

- Хорошо. Отлично, - Настя запнулась, явно подыскивая слова. Я почти физически видела, как она сейчас нервно теребит край своей блузки в каком-нибудь коридоре лофта, прячась от гостей. - Mam... тут гости уже собираются. И папа... папа тоже уже подъезжает. Ты помнишь, о чем мы говорили? Вы просто поздоровайтесь. Ради Витика. Не нужно никаких долгих разговоров, просто держите дистанцию. Я посажу вас за разные концы длинного стола.

Она не просила меня о мире. Она прошупывала мою структурную целостность. Ей было до одури страшно, что я приеду и рухну в истерику прямо на пороге, испортив ее идеальный, тщательно спланированный праздник. Она ждала от меня подтверждения моей удобности.

- Настя, - мой голос стал еще суше, превратившись в стерильный скальпель. - Я еду на день рождения своего внука. Занимайся гостями. Я буду вовремя.

Я сбросила вызов, не дожидаясь ее ответа. Сунула телефон в глубокий карман пальто. Взяла тяжелую коробку с конструктором, перевязанную джутом, подхватила ключи от машины и вышла за дверь. Замок сухо и надежно щелкнул за моей спиной, отрезая меня от безопасной тишины дома.

На улице стоял типичный для середины октября холодный, прозрачный день. Воздух пах влажной землей, остывающим асфальтом и прелой, горьковатой листвой. Осенний ветер неприятно кольнул щеки. Я подошла к своему кроссоверу, припаркованному на подъездной дорожке. Положила коробку на заднее сиденье, села за руль.

Кожаная оплетка руля была ледяной. Я завела двигатель. Мотор отозвался ровным, низким гулом, салон начал медленно наполняться теплом от климат-контроля. Я включила пере-

дачу и плавно выехала с территории нашего поселка на асфальтированную трассу, ведущую в город.

Озерск был небольшим, компактным городом, где промышленные зоны старой постройки тесно переплетались с новыми жилыми кварталами. Я вела машину уверенно, механически фиксируя дорожные знаки и переключения светофоров. Мое тело работало на автоматах, выработанных годами водительского стажа. Улица Южная, где находился арендованный Настей лофт, располагалась в районе бывшего ткацкого комбината - сейчас эти краснокирпичные цеха переделали под модные пространства с огромными окнами и высокими потолками.

Дорога заняла чуть меньше двадцати минут. Я свернула на широкую, посыпанную мелким гравием парковку перед зданием. Машин было много - друзья Насти и Виталика, родители одноклассников Витика. Я медленно катилась вдоль ряда припаркованных автомобилей, выискивая свободное место поближе ко входу.

Мой взгляд скользнул по капотам и резко остановился.

В пятнадцати метрах от центрального крыльца стоял до блеска вымытый, темно-синий седан Павла. Я знала эту машину до последнего винтика. Он всегда парковался идеально ровно, выдерживая одинаковое расстояние до соседних автомобилей. Его педантичность никуда не исчезла. Значит, они уже внутри. Он и Анфиса. Траектории сошлись.

Я нашла свободное место чуть поодаль, вывернула руль и остановила кроссовер. Перевела коробку передач в режим паркинга. Выключила зажигание. Двигатель стих, оставив меня в плотной тишине салона.

И вот тут физиология дала сбой.

Мой пульс, который я так старательно держала под контролем все это утро, внезапно совершил резкий скачок. Сердце ударилось о ребра тяжело и болезненно. В горле пересохло, а ладони, сжимающие кожаный руль, мгновенно стали влажными. Инстинкт самосохранения, древний и примитивный, кричал мне в уши: "Не выходи. Заведи мотор и уезжай. Тебе не нужно входить в эту комнату, где на тебя будут смотреть как на отработанный материал". Адреналин обжигал сосуды, заставляя мышцы бедер мелко, мерзко подрагивать.

Я отпустила руль. Положила руки на колени, плотно прижав ладони к жесткой ткани брюк. Закрыла глаза.

Паника - это вода, попавшая в легкие. Если начнешь барахтаться, она убьет тебя за минуту. Если хочешь выжить, нужно восстановить газообмен.

Я вспомнила свою старую, десятилетиями пылившуюся на задворках памяти технику перед стартом на тумбе. Чуть опустила подбородок. Медленно, с силой потянула воздух через нос. Раз. Два. Три. Я чувствовала, как холодный кислород проходит через трахею, заполняет сначала нижние, затем средние доли легких. Диафрагма расширилась, упираясь в плотный пояс брюк. Я задержала дыхание на две секунды, концентрируясь на том, как давление внутри грудной клетки становится максимальным.

А затем сделала выдох. Резкий, контролируемый, долгий выдох сквозь плотно сжатые губы, выталкивая из себя отработанный углекислый газ вместе с первобытным страхом.

Я повторила этот цикл трижды. Пульс начал замедляться, возвращаясь в рабочий, базовый ритм. Влажность на ладонях высохла. Дрожь в ногах исчезла, оставив после себя лишь приятное мышечное напряжение готовности. Я открыла глаза. Серая, пасмурная улица перед лофтом снова стала просто улицей, а не полем боя.

Я отстегнула ремень безопасности. Замок мягко щелкнул. Взяла с соседнего сиденья свою сумку. Потянулась назад, подхватила тяжелую коробку с конструктором, надежно зафиксировав ее левой рукой, прижимая к боку. Правая рука легла на металлическую ручку двери автомобиля.

Холодный металл приятно остудил кожу. Я потянула ручку на себя. Дверь открылась, впуская в салон шум улицы, приглушенные басы музыки из здания лофта и запах сырого осеннего бетона. Я опустила ногу в строгом темном полуботинке на асфальт, перенесла вес тела и вышла из машины. Спина была абсолютно прямой. Я была готова войти внутрь.

Глава 7. Чужой кислород

- Мам, слава богу. Я уже начала дергаться, - Настя перехватила меня прямо у вешалок гардеробной, едва я успела отдать номерок хмурому юноше в фирменной футболке.

Моя дочь выглядела так, словно координировала не детский праздник, а сложную корпоративную сделку на грани срыва. На ней была шелковая блузка фисташкового цвета, на которой уже проступили едва заметные темные полукружья подмышек. Она сканировала мое лицо цепким, напряженным взглядом сапера, пытающегося понять, запущен ли часовой механизм бомбы или обошлось. Ей было до одури страшно, что я приехала сюда ругаться.

- Я же сказала, что буду вовремя, - ровно ответила я, поправляя воротник.

Резкий контраст температур мгновенно ударил по физиологии. На улице стоял прозрачный, стылый октябрь, и мой плотный шерстяной костюм цвета графита был там идеальной защитой. Но здесь, внутри огромного кирпичного лофта, воздух казался тяжелым, спертым и липким. Он был пропитан запахом разогретого пластика батуты, сладкой ватой и душным напряжением нескольких десятков взрослых людей, пытающихся делать вид, что им весело. Ткань костюма, еще пять минут назад приятно холодившая кожу шелковой подкладкой, теперь начала восприниматься как тяжелый, давящий на плечи водолазный скафандр.

Тяжелые басы из музыкальных колонок били прямо в грудь, сбивая сердечный ритм. Я заставила себя сделать короткий вдох через нос и медленный, контролируемый выдох, адаптируя диафрагму к изменившемуся атмосферному давлению этого места.

- Проходи, гости уже за столами, - Настя нервно поправила волосы. - Только давай... без острых углов, ладно? Витик так тебя ждал.

- Бабуля!

Детский, звонкий крик прорезал гул голосов. Витик налетел на меня с разбегу, врезавшись головой куда-то в район моего живота. Я инстинктивно подалась вперед, перенося вес на носки, чтобы удержать равновесие, и крепко обняла его свободной рукой. От него пахло лимонадом, разгоряченной кожей и тем чистым, стопроцентным детским счастьем, которое еще не знает, как виртуозно взрослые умеют предавать друг друга.

- С днем рождения, мой хороший, - я улыбнулась, чувствуя, как внутри на секунду разжимается ледяная пружина.

Я протянула ему подарок - ту самую большую коробку из плотного крафта, перевязанную толстой джутовой нитью. Витик перехватил ее двумя руками, слегка крякнул, прогнувшись в спине от неожиданного веса картона, но удержал.

- Ого, тяжелая! - его глаза загорелись тем самым правильным, вдумчивым интересом.

- Это настоящий архитектурный замок, - сказала я, глядя на его раскрасневшееся лицо. - Восемь тысяч деталей. Придется повозиться с фундаментом, прежде чем ставить башни. Построишь?

- Конечно! Поставлю у себя на столе! - он тяжело, переваливаясь, потащил увесистый картон в сторону общей зоны подарков.

Мой взгляд невольно последовал за ним. Там, на длинном низком столе, среди пестрых пакетов уже возвышалась огромная, кричаще-яркая глянцевая коробка с прозрачным пластиковым окном. Внутри хищно поблескивала хромом радиоуправляемая модель багги. Подарок Анфисы. Я знала такие игрушки - громкие, эффектные, сжирающие батарейки за час и ломающиеся о первый же бетонный бордюр. В этом была странная, почти ироничная метафора, которую я просто зафиксировала в уме без всякой злобы. Блестящий, хрупкий пластик против тяжелого, фундаментального крафта.

- Идем, я покажу твое место, - Настя мягко, но настойчиво взяла меня за локоть, уводя от зоны подарков.

Она провела меня через весь зал, лавируя между снующими детьми и аниматорами в костюмах роботов, и усадила за длинный стол для взрослых. Мое место было стратегически выверено с точностью до миллиметра - в самом конце, спиной к окну, на максимально удаленном расстоянии от противоположного края стола. "Безопасная зона", которую Настя выстроила в своей голове.

Я села, положив руки на плотную ткань брюк. Вокруг сидели люди, которых я знала десятилетиями. Родители одноклассников Витика, бывшие коллеги Насти, старые друзья нашей семьи. И вот тут началось то, что забирает кислород быстрее любой физической нагрузки. Токсичная, вязкая вежливость.

Никто не отворачивался с демонстративным презрением. Никто не шептался у меня за спиной, как в дешевых мыльных операх. Все было гораздо тоньше и от этого паршивее. Люди здоровались со мной, но их взгляды скользили мимо моего лица, цепляясь за скатерть, за бокалы, за свои телефоны. Соседка справа, Марина, с которой мы еще летом обменивались черенками гортензий, вдруг начала суетливо и слишком громко рассказывать мне о том, как чудесно отремонтировали этот лофт. В ее голосе звенела липкая, паточная жалость.

Я смотрела на их напряженные плечи и понимала: они ждали другого. Они ждали, что я приду с потухшим взглядом побитой собаки, ссутулившись под тяжестью своего брошенного положения. В их картине мира Павел поступил благородно - он ушел, оставив мне дом и деньги. И теперь от меня требовалось лишь тихо страдать, принимая их утешительные поглаживания по руке и вздохи "ну ничего, Владочка, время лечит". Моя прямая спина, мой безупречный костюм и сухое, невозмутимое лицо ломали им сценарий. Я не давала им повода почувствовать себя великодушными спасателями.

Я отвечала Марине короткими, ровными фразами, чувствуя, как поддержание этой базовой вежливости жрет мои физические ресурсы. Это было похоже на заплыв против невидимого течения. Если расслабишь мышцы - тебя снесет на камни.

Только спустя минут сорок, когда гости начали расходиться от стола к зоне закусок, я позволила себе перевести взгляд на противоположный конец лофта.

Они стояли у фуршетной линии.

Павел выглядел безупречно. Темная графитовая рубашка, легкий кашемировый джемпер с V-образным вырезом. Никаких мешковатых пиджаков. Он держал в руке маленькую чашку кофе и улыбался чему-то, что говорил ему отец одного из мальчишек. Со стороны он казался воплощением успешной, зрелой уверенности. Человеком, который твердо держит жизнь за горло.

Но я знала биомеханику этого мужчины тридцать лет. Моя хирургическая оптика включилась сама собой, сканируя его позу в поиске погрешностей.

Павел улыбался, но левая рука, державшая блюдо, была напряжена чуть больше обычного. Он стоял у высокого барного стула, и казалось, что он просто небрежно опирается на него бедром. Но я видела, как он перенес почти весь свой вес на левую ногу. Его правая нога - та самая, с оперированным в молодости мениском - была выпрямлена неестественно жестко, как деревянная подпорка. Когда собеседник обходил его сбоку, Павел не разворачивался на носках, как делал это обычно. Он переступал всей стопой, тщательно избегая скручивающего движения в правом суставе.

Значит, утренняя тренировка на манеже все-таки выстрелила ему в сустав. Он мог заглушить боль химией, проглотив таблетку противовоспалительного, но законы физики обмануть невозможно. Хрящ терся о кость, и его тело рефлекторно берегло изношенный механизм. Эта иллюзия молодости, которую он так отчаянно транслировал залу, была для меня абсолютно прозрачной.

Рядом с ним стояла Анфиса.

Она была в широких, модных джинсах и белом кроп-топе, открывающем полоску плоского, тренированного живота. На ногах - массивные кроссовки. Она не стояла на месте. Она пружинила на пятках, постоянно меняла позу, что-то громко рассказывала, жестикулируя свободной рукой. Вторая ее рука по-хозяйски, с легкой небрежностью лежала на плече Павла. Она была органична в своей роли, в ней бурлила та самая избыточная, шумная энергия тридцати лет, которой не нужно экономить ресурс.

Я смотрела на них, ожидая, что внутри шевельнется привычная женская ревность или обида. Но вместо этого я почувствовала лишь холодную, почти клиническую отстраненность. Рядом с солидным, застывшим в своей скрытой боли Павлом эта суетливая девичья пластика выглядела странно. словно дорожную, тяжелую шестеренку от старых швейцарских часов попытались встроить в яркий, жужжащий механизм детской игрушки. Они не совпадали по ритму.

Уровень углекислого газа в моей крови словно повысился. В лофте стало невыносимо душно. Музыка, крики детей, фальшивые улыбки соседок по столу - все это слилось в один густой, давящий шум. Я посмотрела на свои тонкие часы на запястье. Половина пятого. Я решила, что дождусь выноса торта, ради Витика, поаплодирую и тихо уеду домой. Больше получаса в этой камере с чужим кислородом я физически не вытяну.

Я потянулась к стакану с минеральной водой. Стекло запотело от контраста температур. Я сделала глоток, чувствуя, как спасительная, жесткая прохлада опускается по пищеводу, снимая спазм в горле.

И в этот момент, опуская стакан, я снова посмотрела на фуршетную линию.

Мой взгляд пересекся со взглядом Анфисы.

Она не отвела глаза. Напротив, на ее лице появилась широкая, абсолютно лишенная смущения улыбка. Она что-то весело шепнула Павлу, слегка похлопав его по спине. Я увидела, как его плечи дернулись, он попытался удержать ее за локоть, явно поняв ее намерения, но опоздал.

Анфиса отделилась от его безопасного периметра. Огибая стойки гостей, она направилась прямо к моему концу стола. Ее массивная обувь бесшумно, но тяжело ступала по наливному полу лофта. В каждом ее движении читалась снисходительная уверенность человека, который считает себя прогрессивным и готовым на широкие жесты по отношению к "проигравшей" стороне.

Атмосферное давление за моим столом словно скакнуло вниз. Соседка Марина осеклась на полуслове, уставившись в свою пустую тарелку. Воздух вокруг меня внезапно приобрел плотность тяжелой, стоячей воды.

Я не стала отодвигать стул или пытаться встать. Мои ступни плотно уперлись в пол. Мышцы пресса рефлекторно, повинаясь старой спортивной памяти, сжались в тугую, жесткий корсет. Именно так тело группируется за секунду до того, как удариться о ледяную поверхность воды при прыжке с десятиметровой вышки.

Я плотно сомкнула губы, глядя, как молодая женщина уверенно сокращает метры между нами. Спрятаться в этот раз не получится. Столкновение было неизбежно.

Глава 8. Хирургический разрез

- У вас очень напряженные плечи, Владислава. Прямо каменные.

Голос прозвучал сверху, звонко и абсолютно уверенно. Я не вздрогнула. Не попыталась суеливо отодвинуться или испуганно вскинуть голову. Мой позвоночник, плотно прижатый к жесткой деревянной спинке стула, сохранил идеальную вертикаль. Я просто медленно подняла глаза.

Анфиса стояла вплотную к моему месту. На ней были те самые широкие светлые джинсы и белый укороченный топ, открывающий полоску безупречно плоского тренированного живота. От нее исходил плотный, осязаемый жар молодой, бесперебойно работающей кровеносной системы. Но этот естественный запах здорового тела перекрывался другим фоном, от которого у меня мгновенно пересохло в горле. Сладкая вата, разогретый пластик детских батутков, кофе и резкий, въедливый дух камфоры. Тот самый медицинский запах, который я почувствовала в нашей спальне в ночь перед уходом Павла.

Где-то на периферии моего зрения, метрах в десяти от нас, лавируя между снующими детьми и аниматорами, двигался мой бывший муж. Он торопился. Он явно понял, что его идеальный сценарий, в котором две его женщины вежливо и незаметно существуют в разных концах зала, дал критическую трещину. Но он не мог бежать. Я с холодной, почти научной отстраненностью фиксировала его биомеханику. Его правая нога, та самая, с оперированным мениском, не разгибалась до конца. Он инстинктивно берег сустав, переносил вес на левую сторону, отчего его обычно прямая, гордая спина приобрела легкий, сутулый наклон. Он физически не успевал предотвратить столкновение.

Атмосферное давление за моим столом упало до критической отметки. Соседка Марина, еще секунду назад щебетавшая о прелестях лофта, подавилась воздухом и замерла, уставившись в свою пустую бумажную тарелку. Остальные гости инстинктивно вжали головы в плечи. Люди всегда так реагируют на приближающуюся катастрофу - пытаются стать невидимыми.

- Я ведь вижу, как вам тяжело, - продолжила Анфиса, и в ее голосе не было издевки. В нем звучала та самая непробиваемая, токсичная эмпатия молодости, которая считает себя вправе лечить чужие раны просто по факту своего превосходства. - Мы все взрослые, современные люди. Этот стресс, эти блоки в теле... они же разрушают изнутри. Ради Насти, ради Витика, нам всем нужно быть экологичнее друг к другу.

Она запустила руку в глубокий карман своего фисташкового пиджака и достала ярко-синий моток кинезиотейпа - эластичной спортивной ленты.

- У вас жесточайший мышечный спазм в трапеции. Это психосоматика, тело реагирует на потерю привычной среды, - Анфиса шагнула еще ближе, ее массивная кроссовка почти коснулась моего полуботинка. - Давайте я вам быстро наклею аппликацию. У меня ножницы с собой. Кровоток улучшится, сразу отпустит шею. Я же врач, мне не сложно.

Она потянулась своими теплыми, уверенными руками к воротнику моей блузки.

Мозг человека в стрессовой ситуации часто принимает решения быстрее, чем сознание успевает их вербализовать. Мое тело, затянутое в плотную смесовую шерсть, сработало на старых, вбитых десятилетиями тренировок рефлексах. Я не стала бить ее по рукам. Не стала вскакивать, опрокидывая стул, не стала шипеть "убери свои руки", как сделала бы героиня дешевой мелодрамы. В плавании любое резкое, неконтролируемое движение в воде создает брызги и гасит твою скорость.

Я сделала короткий, контролируемый выдох через нос, расслабила поясницу и плавно, всего на пару сантиметров, сместила центр тяжести назад, вдавив лопатки в спинку стула.

Пальцы Анфисы разрезали пустоту, так и не коснувшись моей ткани. В эту же секунду ее лицо дрогнуло, отразив мимолетное замешательство. Она не ожидала такого хирургически точного, безмолвного отказа.

- Анфиса, не нужно.

Голос Павла прозвучал тяжело и сипло. Он наконец-то подошел к столу. Одной рукой он намертво вцепился в спинку свободного стула рядом со мной. Костяшки его пальцев побелели от напряжения - он перенес почти весь свой вес на руки, чтобы разгрузить пульсирующее болью колено. В его выцветших голубых глазах не было ни следа той благородной уверенности, с которой он уходил из моего дома. Там плескалась паника. Паника стареющего режиссера, чьи актеры внезапно отказались играть по его сценарию.

- Влада, извини, - тяжело дыша, произнес бывший муж. Капельки пота блестели на его висках, контрастируя с идеальной укладкой. - Мы просто хотели поздороваться. Анфиса иногда бывает слишком... инициативной в профессиональном плане.

Я смотрела на них снизу вверх. Молодая, пышущая здоровьем женщина с мотком синей ленты в руках, искренне верящая, что может заклеить пластырем чужую тридцатилетнюю жизнь. И седой, опирающийся на стул мужчина, глотающий таблетки, чтобы соответствовать ее ритму.

Мои ступни жестко упирались в наливной бетонный пол лофта. Я чувствовала фактуру ткани на своих бедрах, чувствовала, как ровно бьется пульс где-то в районе ключиц. Кислорода было мало, но мне хватало. Я не собиралась давать им то, за чем они пришли. Им нужно было мое тихое, покорное раздражение, которое подтвердило бы их статус победителей.

- Сядь, Паша, - произнесла я ровно. Голос прозвучал негромко, но в этой искусственной, напряженной тишине стола его слышали все. - Тебе больно стоять.

Павел вздрогнул, словно я ударила его хлыстом по лицу.

Я перевела взгляд на Анфису. Она все еще держала свой кинезиотейп, но ее снисходительная улыбка уже начала таять, уступая место инстинктивной тревоге.

- Ты кинезиолог, Анфиса, - мой тон был абсолютно стерильным, лишенным малейших вибраций гнева или обиды. Так хирург констатирует неоперабельность опухоли на консилиуме. - Ты работаешь с биомеханикой. И ты должна прекрасно знать базовый закон физиологии: нельзя вылечить глубоко изношенный, разрушающийся механизм, просто наклеив на него сверху яркий эластичный пластырь.

Я сделала паузу, позволяя моим словам повиснуть в тяжелом воздухе. Соседка Марина справа от меня, казалось, вообще перестала дышать.

- Мою спину тридцать лет держит мышечный корсет пловчихи, а не стрессовый блок, - продолжила я, глядя ей прямо в глаза. Я видела, как расширяются ее зрачки. - Поэтому оставь свою камфору и свои ленты для Павла. Его правый мениск сегодня кричит громче, чем твоя совесть. Он хромотает от самых дверей, Анфиса. Он глотает мощные противовоспалительные таблетки перед тем, как выйти с тобой в люди, чтобы ты могла и дальше играть в иллюзию, будто спишь с мужчиной без возраста. Но хрящ трется о кость. И никакая твоя молодость, никакие твои прогрессивные разговоры об экологии отношений этот процесс не остановят.

Слова входили точно в цель, не встречая сопротивления. Это была не женская истерика, не ревность покинутой жены. Это была медицинская, биологическая правда, которую Анфиса, ослепленная своим превосходством и эгоизмом, упорно не замечала. А Павел отчаянно пытался скрыть.

Лицо молодой женщины вытянулось. Синяя катушка тейпа в ее руках внезапно показалась нелепой, дешевой игрушкой. Она медленно повернула голову к Павлу, словно впервые посмотрела на него не как на статусный трофей, а как на пациента.

Павел посерел. Цвет его кожи слился с оттенком его дорогой итальянской рубашки. Я на глазах у всех, на глазах у его новой, молодой любовницы, сорвала с него маску нестарею-

щего спринтера, безжалостно подсветив его физическую немощь. Его экзистенциальный страх старости, ради бегства от которого он разрушил нашу семью, был выпотрошен и разложен на столе между грязными бумажными тарелками и стаканами с недопитым морсом.

- Влада... - прохрипел он, и его пальцы на спинке стула дрогнули.

- Поправляйся, Паша, - сказала я, обрывая его жалкую попытку сохранить лицо.

Я не дала им времени на перегруппировку. Плавное, контролируя каждое движение пояса, я поднялась со стула. Плотная ткань брюк тяжело и прохладно скользнула по бедрам. Никто за длинным столом не шелухнулся. Я видела опущенные глаза общих знакомых. Они ждали спектакля с битьем посуды, а получили тихую, ледяную казнь, после которой каждый из них почувствовал себя соучастником чего-то мерзкого.

Я взяла свою кожаную сумку. Повернула голову и посмотрела в другой конец зала.

Там, у стены, застыла Настя. Моя дочь прижимала к груди картонную коробку с салфетками. Ее лицо было бледным, глаза расширены от ужаса. Она слышала не все, но она видела расстановку сил. Она видела, как ее идеальный, авторитетный отец ссутулился под моим взглядом, а его молодая "партнерша" замерла в растерянности. Иллюзия экологичного развода, в которую Настя так отчаянно хотела верить, рассыпалась в пыль.

Я не стала подходить к ней. Не стала бросать упреков или требовать извинений за этот унижительный эксперимент. Я просто коротко кивнула ей, беззвучно артикулируя губами: "С днем рождения Витика". Мой долг бабушки был выполнен. Моя роль удобной декорации - окончена.

Я повернулась и пошла к выходу.

Шаги казались тяжелыми, словно я шла по дну бассейна в свинцовых ботинках, но спину я держала идеально прямо. Тяжелые, вибрирующие басы музыки били в пол, отдаваясь в подошвах моих полуботинок, но они больше не сбивали мой ритм. Воздух в лофте был отравлен, он был липким от пота, парфюма и чужого лицемерия. Я двигалась сквозь толпу, и люди инстинктивно расступались, чувствуя исходящий от меня холод.

В гардеробе было тихо. Хмурый юноша молча забрал мой номерок и протянул мне темное осеннее пальто из драпа. Я накинула его на плечи. Вес ткани привычно лег на трапеции - те самые мышцы, которые Анфиса собиралась лечить своими лентами. Я застегнула пуговицы, поправила воротник и взялась за металлическую ручку входной двери.

Металл был холодным. Я толкнула тяжелую створку.

Октябрьский вечер обрушился на меня влажной, стылой прохладой. На улице уже сгустились ранние сумерки. Воздух пах мокрым асфальтом и прелой листвой. За спиной мягко, отрезая гулкие басы и суету детского праздника, захлопнулась железная дверь.

Я осталась одна на бетонном крыльце.

Сделала первый, жадный вдох. Кислород хлынул в легкие, обжигая трахею ледяным потоком. Я выдохнула.

И в эту самую секунду, как только мой мозг зафиксировал, что я покинула враждебную территорию и нахожусь в безопасности, моя физиология взяла свое. Адреналин, который держал мои мышцы в состоянии абсолютной боевой готовности последние двадцать минут, рухнул вниз, как оборвавшийся лифт.

Колени предательски дрогнули. Синовиальная жидкость словно испарилась из суставов, превратив ноги в ватные, непослушные обрубки. В ушах внезапно зазвенело - тонкий, высокий звук, похожий на писк сломанного секундомера. Желудок свело болезненным, тугим спазмом.

Я инстинктивно подалась в сторону. Моя правая рука вцепилась в шершавую, холодную кирпичную стену здания. Ногти царапнули по застывшему цементу шва. Я закрыла глаза, прижимаясь лбом к стылому кирпичу, и пыталась заставить себя дышать ровно.

Я не стала королевой. Моя победа там, внутри, не далась мне легко по мановению волшебной палочки. Это была не магия, это был чудовищный, разрушительный расход внутрен-

них ресурсов. Мое тело трясло крупной, мерзкой дрожью от перенапряжения. Я выстояла, я не позволила им вытереть о себя ноги, но цена этой выдержки сейчас пульсировала тошнотой в моем горле.

Нужно было дойти до машины. Всего пятнадцать метров по гравийной парковке. Сделать вдох, оттолкнуться от стены и просто переставлять ноги. Потому что если я останусь стоять здесь, если кто-то из гостей выйдет на крыльцо и увидит, как меня трясет - все мои слова потеряют свой вес.

Я плотнее сжала челюсти, чувствуя под пальцами жесткий рельеф холодного кирпича. Дыши, Влада. Просто дыши.

Глава 9. Инстинкт самосохранения

Физиология не терпит кредитов и неоплаченных счетов. За каждую минуту идеальной выдержки, за каждую ровную, лишённую эмоций фразу, брошенную в лицо бывшему мужу на глазах у толпы, нервная система выставляет чек с двойными процентами. И оплачивать его приходится немедленно.

Как только тяжелая железная дверь лофта захлопнулась за моей спиной, отрезая гулкие басы детского праздника, мой позвоночник словно лишился внутреннего стержня. Я сделала пару шагов по бетонному крыльцу и была вынуждена прижаться плечом к шершавой кирпичной стене здания.

Адреналиновый откат обрушился на меня с жестокостью упавшей бетонной плиты. В ушах стоял мерзкий, высокий писк. Колени стали абсолютно ватными, синовиальная жидкость в суставах словно испарилась, оставив после себя лишь звенящую, тошнотворную пустоту. Мое плотное осеннее пальто и шерстяной костюм, которые там, внутри, служили мне надежным архитектурным каркасом, теперь казались тяжелым, влажным от холодного пота скафандром. Жесткая ткань давила на плечи, воротник блузки врезался в шею, мешая сделать полноценный вдох.

Я закрыла глаза, чувствуя под дрожащими пальцами ледяной, застывший цемент между кирпичами. Мне хотелось сползти по этой стене вниз, сесть прямо на грязный асфальт и завывать. Но я знала: если кто-то из гостей Насти сейчас выйдет покурить и увидит меня согнувшейся пополам - все мои слова, вся та ледяная, хирургическая правда, которой я отхлестала Анфису и Павла, потеряют всякий вес.

Дыши, Влада. Вдох на два счета, выдох сквозь плотно сжатые зубы на четыре.

Я заставила себя выровнять пульс. Оттолкнулась от стены и, переставляя непослушные ноги в строгих полуботинках, пошла по хрустящему гравию парковки к своему кроссоверу.

Салон машины встретил меня запахом дорогого пластика и холодной кожаной обивки. Я села за руль, нажала кнопку блокировки дверей и немедленно завела двигатель. Сухой щелчок замков отсек меня от враждебного внешнего мира. Климат-контроль тихо зашуршал, направляя потоки теплого воздуха на мои заочковенные руки.

Куда теперь?

Разум диктовал логичный маршрут: домой. Заварить крепкого чая, залезть под тяжелое одеяло и попытаться уснуть. Но мой мозг с пугающей ясностью нарисовал эту картину. Дом Логвиновых. Сто пятьдесят квадратных метров идеального ремонта. Огромный, стерильный коттедж, где в полутьме гудит фильтр аквариума, на дне которого покоится утопленный секундомер Павла.

Если я переступлю этот порог сейчас, гравитация пустых стен меня расплющит. Я лягу на диван и начну бесконечно прокручивать в голове сегодняшние взгляды общих знакомых, испуганное лицо Насти, снисходительную улыбку Анфисы с ее дурацким мотком синей ленты. Тишина дома станет для меня могильной плитой. Мне категорически нельзя было возвращаться в статику.

Организм, помнящий молодость, внезапно подал голос из-под слоев правильного быта. Меня давила сила тяжести. Значит, нужно было найти среду, где гравитация работает иначе.

Я выжала педаль тормоза, перевела рычаг коробки передач в режим драйва и резко выехала с парковки.

Дорога до ближайшего крупного торгового центра заняла около двадцати минут. Я двигалась в плотном потоке субботних машин, механически фиксируя стоп-сигналы и переключения светофоров. Внутри меня пульсировала абсолютная, кристальная ясность человека, который точно знает, какое именно лекарство ему нужно.

Торговый центр встретил меня типичным вечерним гулом, ярким люминесцентным светом и суетой покупателей с шуршащими бумажными пакетами. Я не стала блуждать по этажам. Прошла мимо витрин с дорогим нижним бельем и модных бутиков женской одежды. В бульварных романах брошенная женщина в этот момент обязательно покупает себе красное платье с глубоким вырезом, чтобы почувствовать себя желанной. Мне было шестьдесят, и я точно знала, что красное кружево не лечит мышечные спазмы и экзистенциальную тошноту.

Я уверенно зашла в просторный спортивный гипермаркет. Запах новой резины, синтетики и картона ударил в нос.

Никаких долгих выборов и примерок. Я подошла к стойкам с экипировкой для плавания. Мои руки сами нашли нужную фактуру. Базовый слитный купальник темно-синего цвета из плотного полиэстера, устойчивого к разрушительному воздействию хлора. Спина с широкими перекрестными лямками - чтобы не сковывать движения лопаток. Никаких легкомысленных рюшей или декоративных молний. Это была не одежда, это была рабочая амуниция.

Я не была дилетантом, чтобы забыть о мелочах. В пластиковую корзину полетели простые резиновые сланцы, компактное полотенце из микрофибры и крошечный дорожный флакон геля для душа. Последними я взяла силиконовую шапочку и профессиональные стартовые очки с жестким пластиковым уплотнителем. Такие "стекляшки" больно врезаются в кожу вокруг глаз, оставляя красные круги, но зато они не слетают при резком рывке с тумбы.

Я расплатилась на кассе картой. Приложила пластик к терминалу, дождалась короткого писка одобренной операции. Скомкала чек и оставила его в урне на выходе.

Через полчаса мой кроссовер уже парковался у старого, массивного здания городского спорткомплекса "Олимпиец". Того самого, где в одном крыле Павел с секундомером гонял своих юниоров по тартану, а в другом располагалась лучшая в городе пятидесятиметровая ванна.

Улица дышала сырым, промозглым октябрём. Я вышла из машины, сжимая в руке фирменный пакет. Ветер неприятно хлестнул по лицу, но я даже не попыталась поднять воротник пальто.

Потянув на себя тяжелую пластиковую дверь комплекса, я шагнула внутрь.

В фойе меня мгновенно обдало волной густого, теплого воздуха. И запахом.

Специфический, въедливый, плотный дух хлорки. Для обывателей это просто агрессивная химия, от которой режет глаза. Но для меня, чьи нейронные связи формировались на мокром кафеле тридцать пять лет назад, этот запах сработал как медицинский нашатырь. Он мгновенно прочистил дыхательные пути.

В этом резком амбре не было места социальной фальши. Хлорированная вода абсолютно справедлива. Ей плевать, бросил ли тебя муж ради молодой выскочки. Ей плевать на возраст в твоём паспорте, на твои морщины и на то, насколько ты сегодня "экологична". Вода не терпит оправданий, она требует только одного: правильного захвата, мощного гребка и ритмичного выдоха.

Я подошла к стойке дежурного администратора. Молодая девушка, уткнувшаяся в экран телефона, лениво подняла на меня глаза.

- Одно разовое посещение бассейна, пожалуйста, - произнесла я. Мой голос звучал ровно и твердо.

Она кивнула, пробила оплату и положила на стойку синий резиновый браслет с магнитным чипом. Я взяла его, чувствуя приятный, пружинящий холодок пальцами.

Подошла к турникету, приложила чип к считывателю. Механизм издал короткий, разрешающий щелчок. Металлическая штанга плавно провернулась, пропуская меня на территорию, где не было силы тяжести. Я шла по длинному, гулкому коридору в сторону женской раздевалки, на ходу расстегивая тугие пуговицы своего пальто.

Пора было снимать гражданскую броню.

Глава 10. Гравитация и дно

Хлор - великий уравниватель. В отличие от тяжелого, сладкого парфюма или въедливой медицинской камфоры, запах хлорной извести в общественной раздевалке убивает любую социальную иерархию. Ему абсолютно плевать, приехала ты сюда на старом скрипучем автобусе или на дорогом комфортном кроссовере, бросил ли тебя муж ради молодой амбициозной любовницы или ты сама по неосторожности разрушила свою жизнь. Хлор просто холодно-кровно дезинфицирует реальность, выедавая из нее всю эмоциональную грязь и оставляя только голую физиологию.

Я подошла к узкому металлическому шкафчику с номером, выбитым на синем резиновом браслете. Замок сухо щелкнул. Сначала я сняла свое прямое осеннее пальто из темного драпа, повесив его на крючок. Следом отправился графитовый шерстяной костюм, который еще час назад служил мне надежным архитектурным каркасом на дне рождения внука. Снять его было чистым физическим облегчением. Плотная ткань насквозь пропиталась липким потом стресса и душным воздухом арендованного лофта. Я стянула шелковую блузку, оставшись в прохладной тишине пустой раздевалки один на один со своим шестидесятилетним телом.

Никаких иллюзий. Я посмотрела на свое отражение в мутном зеркале над рядом раковин. Кожа давно потеряла былую упругость, у коленей наметилась легкая возрастная опечаленность, а плечи, когда-то широкие и рельефные, сгладились под слоем безжалостного времени. Я достала из шуршащего пластикового пакета купленные полчаса назад вещи. Бросила на деревянную скамейку компактное полотенце из микрофибры и крошечный дорожный флакон геля для душа. Правила гигиены в советских спорткомплексах вбивались в подкорку намертво - в воду нельзя без предварительного душа.

Теплая вода в тесной кабинке смыла остатки дневного напряжения, а дешевый гель с запахом химического цитруса окончательно перебил аромат моего домашнего парфюма. Вытираясь насухо, я взяла слитный купальник темно-синего цвета. Это была не та легкомысленная вещь, которую надевают на заграничных курортах, чтобы красиво лежать в шезлонге под зонтиком. Это был жесткий, почти не тянущийся полиэстер, сшитый специально для того, чтобы противостоять агрессивной химии общественных бассейнов.

Я с трудом натянула его на сухую кожу. Ткань мгновенно сдавила ребра, заставив рефлекторно выпрямить спину. Широкие перекрестные лямки тут же плотно, почти до красноты врезались в лопатки, собирая расслабленные мышцы в рабочий корсет. Силиконовая шапочка наделась с неприятным, болезненным натяжением, больно потянув волосы у самых корней. Последним штрихом стали жесткие стартовые очки. Пластиковый уплотнитель без всякой жалости присосался к орбитам глаз, гарантируя, что вода не попадет внутрь, но оставляя после себя глубокие, стягивающие круги.

Я была готова. Никакой эстетики. Только чистая, жестокая функциональность.

Толкнув тугую пластиковую дверь, я вышла из душевой зоны к чаше бассейна. Влажный, густой воздух мгновенно окутал тело, оседая на плечах мелкой испариной. Пятидесятиметровая ванна лежала передо мной, как огромное, математически точно разлинованное синее поле. Монотонный, непрерывный гул воды, переливающейся через решетки по периметру, работал как спасительный белый шум. Он намертво отсекал все звуки внешнего мира. Здесь больше не было Насти с ее испуганным, умоляющим лицом, не было Павла с его жалкими оправданиями, не было снисходительной, пустой улыбки Анфисы с ее дурацким мотком синей ленты.

Я подошла к свободной дорожке. Адреналин, который помог мне выстоять в лофте и не потерять лицо, еще густо бродил в крови. Он сыграл со мной злую шутку, подкинув ложную, ослепительную уверенность. Мозг, перекачанный стрессом, внезапно решил, что вода способна обнулить эти тридцать пять лет сухопутной жизни. Что стоит мне только нырнуть,

и я снова стану той двадцатилетней девчонкой, которая с легкостью брала разряд. Это была чистая, ничем не подкрепленная гордыня уязвленной, раненой женщины.

Мои босые ступни уверенно встали на стартовую тумбу. Кожа ощутила жесткий рельеф пупырчатого пластика. Тело инстинктивно, без всяких мысленных команд, приняло нужную позу. Пальцы ног намертво вцепились в край тумбы. Я чуть согнула колени, перенесла центр тяжести вперед и опустила подбородок к груди, блокируя периферийное зрение.

Толчок.

Я разрезала воздух и вошла в воду. Угол входа был идеальным - ровным, почти без брызг, как учили тренеры в молодости. Ледяной обхват воды мгновенно остудил разгоряченную кожу. Я вытянулась в струну, позволяя инерции протащить меня под водой первые метры, а затем начала методично работать кролем.

Первые секунды это была абсолютная эйфория. Мышечная память, дремавшая в глухом анабиозе десятилетиями, проснулась и безропотно взяла управление на себя. Высокое положение локтя над водой. Глубокий, жадный захват водной массы кистью. Мощное протаскивание к бедру и финальный толчок. Я скользила. Вода казалась плотной, но невероятно податливой, она держала меня, даря забытое чувство абсолютной невесомости. Пузырьки воздуха приятно щекотали щеки. В этой синей, густой толще я была недостижима ни для чьей жалости, ни для чьего предательства.

Но физиология никогда не терпит самообмана. Тридцать пять лет статики, варки идеальных борщей, прополки садовых гортензий и сидения в автомобильных пробках невозможно отменить одним волевым решением уставшего мозга.

Слом произошел примерно на отметке в двадцать пять метров. Как раз там, где глубина ванны достигала своего пугающего максимума.

Сердечная мышца, давно отвыкшая от агрессивного пульсового режима, внезапно ударила о ребра с такой сокрушительной силой, словно собиралась проломить грудину изнутри. В ушах мгновенно застучал тяжелый, болезненный, предупреждающий ритм. Наступил резкий кислородный долг. Мои легкие вспыхнули сухим огнем, отчаянно требуя новой порции воздуха, а диафрагма спазмировалась, наотрез отказываясь делать ровный, длинный выдох в воду.

Техника рассыпалась мгновенно, как карточный домик на ветру. Я попыталась силой удержать темп, но в плечевом поясе ядовито вскипела молочная кислота, обжигая вены так, словно по ним пустили горячий песок. Руки, еще секунду назад легко и грациозно разрезавшие воду, налились тяжелым свинцом. Каждый новый гребок давался с чудовищным усилием, будто я пыталась протащить сквозь плотную жидкость бетонные блоки.

- Терпи, - приказала я себе мысленно, стискивая зубы под водой так, что неприятно загудел челюстной сустав.

И это упрямство стало моей фатальной ошибкой. Организм, вконец истощенный дневным нервным срывом и внезапной пиковой физической нагрузкой, выдал жесточайшую ответную реакцию.

Сначала я почувствовала легкое, неприятное покалывание прямо под правым коленом, а в следующую долю секунды мою икроножную мышцу свело железной, беспощадной судорогой. Боль была такой острой и пронзительной, словно мне в ногу по самую кость с размаху вогнали толстый раскаленный строительный штырь и с силой провернули его внутри.

Я рефлекторно дернулась всем телом, теряя остатки скорости и пространственной координации. Судорога прошла позвоночник. Я попыталась вытянуть носок на себя, чтобы хоть немного снять мышечный спазм, но заочевевшая икра превратилась в твердый, неподатливый камень.

Ритм дыхания был окончательно и бесповоротно сорван. Я открыла рот для глубокого вдоха слишком рано, не успев вывести лицо над ватерлинией. Вместо спасительного порцион-

ного кислорода в горло жадно хлынула едкая, хлорированная вода. Она мгновенно обожгла чувствительную слизистую трахеи.

Начался кашель. Жуткий, спазматический, разрывающий грудную клетку кашель человека, который оказался глубоко под водой с абсолютно пустыми легкими.

Первобытный, животный инстинкт выживания мощно ударил по мозгам, стирая остатки рациональности. Забыв обо всех заученных правилах поведения на воде, я начала хаотично, панически барахтаться, пытаюсь удержать голову над поверхностью. Но сведенная судорогой правая нога тянула меня вниз с неумолимостью тяжелого корабельного якоря. Свинцовые, забитые лактатом руки вхолостую били по воде, не создавая необходимой опоры.

Вода, которая еще полминуты назад дарила мне спасительную иллюзию полета, внезапно обрела свою истинную, чудовищную плотность. Она стала давить. Гравитация, от которой я так отчаянно пыталась сбежать из того проклятого лофта, настигла меня прямо здесь, в самом центре холодного бассейна.

Давление больно сдавило виски. Я почувствовала, как стремительно погружаюсь. Сквозь мокрые пластиковые стекла стартовых очков мир необратимо сузился до размытой черной линии Т-образной разметки на далеком кафельном дне. Идеальная, хладнокровная женщина, которая сегодня днем одним хирургическим взглядом уничтожила любовницу бывшего мужа, сейчас пускала жалкие пузыри, абсолютно беспомощно проигрывая схватку с собственной физиологией. Очередная порция холодной воды попала в носоглотку, вытесняя остатки воздуха, и синяя, равнодушная толща окончательно сомкнулась над моей головой.

Глава 11. Унизительное спасение

Жесткий, пористый материал с силой ударил меня прямо под ребра. Никаких красивых спасательных нырков рыбкой, как в голливудском кино. Кто-то наверху просто сунул в воду длинную поролоновую аквапалку - нудл, и грубо, используя базовый закон физики о рычаге, подцепил меня под мышки. Моя правая нога, намертво сведенная жесточайшей судорогой, болталась внизу бесполезным, тяжелым свинцовым якорем. Хлорированная вода забила носоглотку, обжигая чувствительную слизистую так, словно туда плеснули концентрированной кислоты.

Сквозь мутные пластиковые стекла стартовых очков мир сузился до куска мокрого кафеля у бортика. Сильная, грубая рука вцепилась прямо в перекрестье жестких лямок моего купальника на лопатках. Рывок был абсолютно безжалостным. Меня буквально волоком перетаскивали через пластиковую переливную решетку бассейна. Кожа на бедре неприятно и больно чиркнула о ребристый край пластика, оставляя саднящую красную ссадину.

Я рухнула на четвереньки на холодную плитку. Гравитация, от которой я так высокомерно пыталась сбежать всего час назад, обрушилась на спину бетонной плитой. Организм в панике начал отторгать чужеродную среду. Меня скрючило в жутком, спазматическом кашле. Я извергала из себя воду пополам с едким желудочным соком прямо в дренажный сток. Из носа текло, слезы смешивались с хлоркой на бледных щеках. Слитный купальник из жесткого полиэстера, который в сухой раздевалке казался мне надежной спортивной броней, сейчас сдавил ребра, как мокрая смирительная рубашка, намертво блокируя диафрагму и не давая сделать полноценный вдох.

Вспышка злой, почти клинической самоиронии пробилась сквозь гул в ушах. Всего пару часов назад в том душном модном лофте я стояла с идеально прямой спиной. Я ледяным тоном распекала тридцатичетырехлетнюю Анфису за незнание биомеханики и глупые иллюзии молодости, а собственную дочь Настю заставила бледнеть от одного моего взгляда. А сейчас? Сейчас я стою на коленях в луже собственной рвоты, жалкая, стареющая женщина, которая чуть не утонула на ровном месте на "детской" глубине просто потому, что переоценила свой физический ресурс. Гордыня всегда выставляет счета немедленно, и расплачиваться по ним приходится чистым унижением.

Я попыталась подтянуть к себе правую ногу, чтобы хоть как-то снять напряжение, но икроножная мышца все еще оставалась каменной. Судорога не отпускала. Она пульсировала глубоко под кожей плотным, горячим комком, напоминая, что физиология не подчиняется хотелкам уязвленного эго.

Рядом на мокрый кафель с глухим шлепком упало жесткое, казенное белое полотенце.

- Накинь, замерзнешь, - голос прозвучал сверху. Глухой, ровный, с явной ноткой профессионального раздражения.

Я с трудом запрокинула голову, ожидая увидеть перепуганного студента-дежурного в фирменных шортах. Но надо мной стоял грузный мужчина моих лет. На нем была выцветшая синяя футболка с логотипом спорткомплекса и обычные резиновые сланцы. У него был тяжелый, цепкий взгляд из-под густых седоватых бровей и широкие, мозолистые кисти рук. Такие руки бывают у опытных автомехаников или столяров, но никак не у людей, чья работа - услужливо утешать испуганных посетительниц фитнес-клубов. В его позе не было ни капли рыцарства или приторного сочувствия. Он смотрел на меня так, как суровый мастер смотрит на дилетанта, который по глупости угробил сложный механизм.

- Вы... простите... спасибо... - прохрипела я, судорожно сглатывая едкую слюну и натягивая колючее казенное полотенце на дрожащие плечи. Хотелось провалиться сквозь землю, пробить этот кафель и исчезнуть в коммуникационных подвалах здания.

Мужчина не стал слушать мои жалкие, сбивчивые извинения. Он перебил меня одной рубленой фразой:

- Ты забыла, как выдыхать в воду. Пока не научишься - не ныряй.

Он отвернулся, тяжело шаркая сланцами по мокрым плиткам, и пошел обратно к своей высокой вышке у противоположного бортика, полностью потеряв ко мне интерес. Никаких дежурных вопросов о самочувствии. Он просто выполнил свою работу и вернулся на пост.

Я осталась сидеть одна. Плотнее кутаясь в жесткий хлопок, я прижалась горячим лбом к холодным металлическим перилам лестницы. Женщина на соседней дорожке, ритмично плывшая брассом, при развороте старательно отвернула лицо в другую сторону. Абсолютно нормальная человеческая реакция - людям всегда неловко быть свидетелями чужого унижения, оно нарушает их собственную безопасную зону комфорта.

Ледяной душ реальности отрезвлял лучше любых успокоительных таблеток. Это мой бывший муж мог позволить себе глотать сильные противовоспалительные перед выходом в свет и искренне верить, что упругое тело молодой любовницы магическим образом отменит его шестьдесят два года. У меня таких спасительных иллюзий больше не осталось.

Мои собственные шестьдесят лет только что выставили мне чек, и он оказался неподъемным. Тридцать пять лет статики, варки идеальных ужинов, бережной прополки гортензий во дворе и комфортного сидения на пассажирском сиденье кроссовера нельзя обнулить за один вечер, просто купив в гипермаркете новый гидрокостюм и стартовые очки. Возраст - это не просто цифра в паспорте, которую можно высокомерно зачеркнуть. Возраст - это этот самый жестокий спазм в икре, который до сих пор держит ногу в тисках. Это легкие, напрочь забывшие, как правильно отдавать углекислый газ под давлением водной толщи. Это суставы, требующие долгого, скучного и монотонного разогрева.

Павел бежал от своего возраста, трусливо прячась за чужой молодой спиной. Я бежать не стану. Если я хочу снова почувствовать себя живой в этой воде, если хочу вернуть себе плавучесть, мне придется пересобирать свой заржавевший механизм с абсолютного нуля. Через дикую, унижительную боль и сотни часов монотонной работы.

Опираясь двумя руками на холодный металлический поручень, я заставила себя медленно подняться. Правая пятка едва коснулась пола, как в икру снова вонзилась острая игла боли, заставив меня судорожно выдохнуть сквозь стиснутые зубы. Боль была пульсирующей, отдающей в подколенное сухожилие. Я сделала первый, сильно хромающий шаг в сторону женской раздевалки. Мокрый, плотный полиэстер купальника неприятно холодил поясницу, а с волос за шиворот стекали холодные, противные капли.

В гулком помещении раздевалки было пусто. Резкий, стерильный запах хлорки здесь смешивался с легкими ароматами чужих дешевых гелей для душа и тяжелой сыростью. Шум воды из душевых кабин эхом отражался от кафельных стен. Я подошла к своему узкому металлическому шкафчику, остановившись перед длинным, слегка мутным от конденсата зеркалом над раковинами.

Руки все еще мелко тряслись от колоссального выброса адреналина. Я подцепила непослушными, негнушимися пальцами край тугой силиконовой шапочки и с усилием стянула ее с головы. Волосы болезненно потянуло у самых корней, они упали на лоб влажными, спутанными прядями. Следом я обеими руками сдернула стартовые очки. Жесткий пластик уплотнителя с громким, неприятным чмоканьем оторвался от влажной кожи орбитальной кости.

В зеркале на меня смотрело бледное, осунувшееся лицо немолодой, бесконечно уставшей женщины. Никакого следа от той архитектурно выверенной графитовой брони, в которую я облачалась днем. А вокруг глаз, глубоко врезааясь в возрастную сеточку мимических морщин, багровели уродливые, вдавленные красные круги от пластиковых окуляров. Я смотрела на это физическое клеймо реальности, медленно проводя по нему подушечкой указательного пальца. Кожа саднила.

Глава 12. Мышечная память

Холодное, покрытое крупными каплями конденсата стекло тяжелой бутылки "Ессену-ков" с влажным скрипом прокатилось по моей правой икре. Я сидела прямо на прохладном керамограните пола своей кухни, прислонившись спиной к фасадам нижних шкафчиков, и методично, стиснув зубы, вдавливала стекло в каменную мышцу.

Судорога, которая вчера вечером на дне бассейна едва не стоила мне жизни, ушла, но оставила после себя плотный, горячий, болезненный узел. Он глубоко пульсировал под кожей при малейшем натяжении стопы. Внешняя сторона бедра тоже непрерывно саднила - там, где меня безжалостно, как куль с песком, волокли через пластиковую решетку перелива, наливалась обширная багровая ссадина. Мои свободные домашние брюки из мягкого серого хлопка при каждом неосторожном движении задевали поврежденную кожу, заставляя меня тихо, сквозь зубы втягивать воздух.

Но в этой боли таилась парадоксальная, пугающая свобода. Физиология оказалась удивительно честным и эффективным антидепрессантом. Она хладнокровно выжгла из моей головы всю ту липкую, экзистенциальную тошноту, которой меня так щедро накормили вчера днем в арендованном лофте. Боль в забитых, не привыкших к пиковым нагрузкам связках полностью вытеснила из сознания и испуганное лицо моей дочери Насти, и фальшивую, натужную уверенность Павла, и въедливый запах камфоры от его молодой любовницы.

Гравитация в моем личном мире наконец-то восстановилась. Только теперь она измерялась не тяжестью предательства после тридцати лет брака, а исключительно спазмом в ноге и саднящей трахеей, сожженной агрессивной хлорированной водой. Я сидела на полу своего выстроенного по кирпичику дома, и впервые за последние дни тишина вокруг не давила на меня бетонной плитой. Тишина стала просто отсутствием звука.

Я отложила нагревшуюся от кожи стеклянную бутылку в сторону. Опираясь обеими руками о массивную каменную столешницу кухонного острова, медленно и тяжело, перенося весь вес на здоровую левую ногу, поднялась. Суставы отозвались сухим щелчком.

Голод внутри стоял первобытный, звериный. Организм, переживший вчера острый дефицит кислорода, колоссальный выброс адреналина и температурный шок, категорически требовал немедленной белковой компенсации.

В моем холодильнике, как и всегда, царил абсолютный, геометрический порядок. Я достала упаковку крупных фермерских яиц, кусок хорошего сырокопченого бекона и пачку сливочного масла. Тридцать лет я готовила правильные, легкие углеводные завтраки для мужа-тренера, подстраивая свой рацион под его жесткие циклы. Тридцать лет пресной овсянки на воде и паровых шпинатных омлетов.

Шипение растапливаемого жира на тяжелой чугунной сковородке мгновенно заполнило кухню. Я стояла у плиты, чуть ссутулившись и прихрамывая, и смотрела, как белеет яичный белок на раскаленном металле. В горле все еще стоял мерзкий, химический привкус бассейна. При каждой попытке сделать глубокий вдох грудь отзывалась тупой, ноющей тяжестью.

Я переложила еду на тарелку и начала есть прямо стоя за островом. Рефреном в голове билась не воспоминания о моем жалком, унижительном барахтанье на синей дорожке, а единственный честный звук со вчерашнего вечера. Суровый, глухой голос того грузного мужчины с полотенцем.

- Ты забыла, как выдыхать.

В этих четырех словах не было ни грамма утешения или липкой социальной вежливости. Это был сухой технический диагноз. Он констатировал поломку моего внутреннего механизма так же буднично, как механик констатирует смерть автомобильного двигателя. И именно эта прямота заставляла меня сейчас методично пережевывать горячий, хрустящий бекон, чув-

ствуя, как с каждым глотком ко мне возвращается плотность собственного тела. Мне нужен был строительный материал, чтобы заново собрать этот разрушенный двигатель.

Резкий, требовательный звук домофона разорвал утреннюю тишину. Я вытерла губы бумажной салфеткой и, шаркая босыми ногами по керамограниту, пошла в прихожую.

На крыльце стояла Зинаида. Ее объемное шерстяное пальто цвета мокрого асфальта пахло уличной осенней сыростью и тонким табаком. В руках она крепко сжимала пластиковый контейнер - видимо, с каким-то пирогом, предназначенным для экстренного утешения растоптанной подруги. Сарафанное радио нашего маленького городка работало без выходных. Слухи о том, как я вчера ледяным тоном осадила любовницу Павла прямо на дне рождения внука и ушла до выноса торта, явно уже достигли ее ушей.

- Господи, Владочка... - Зина решительно шагнула через порог, но внезапно осеклась на полуслове, уставившись на мое лицо.

Я прекрасно знала, что именно она сейчас видит. Полчаса назад я умывалась в ванной. Мои глаза все еще воспаленно блестели от химии, а вокруг орбит глубоко, словно клеймо, залегли багровые тени и легкая припухлость - последствия вакуумного удара от жестких пластиковых уплотнителей стартовых очков. Эта красноречивая боевая раскраска пришла на смену моему стерильному гриму идеальной жены.

- Ты прихрамываешь? - Зина прищурила свои проницательные глаза, и ее сканирующий взгляд моментально скользнул по моей правой ноге. - И от тебя несет казенной хлоркой на весь коридор. Что еще произошло после того лофта?

- Я чуть не утонула в "Олимпийце", Зин, - ответила я абсолютно ровным тоном, закрывая за ней тяжелую входную дверь. - Решила вспомнить молодость и зашла на пятьдесят метров кролем без разогрева. Икру свело. Нахлебалась воды так, что меня дежурный инструктор нудлом за лямки купальника вытаскивал.

Зинаида замерла в коридоре, прижимая к груди свой дурацкий пластиковый контейнер. Она явно ехала сюда, ожидая услышать надрывный, полный боли рассказ о том, как мне было тяжело смотреть на бывшего мужа с его молодой пассией. А вместо этого получила медицинскую сводку о мышечном спазме и публичном позоре.

Мы молча прошли на кухню. Подруга окинула взглядом грязную чугунную сковородку с остывающим жиром и пустую скорлупу от трех яиц. Для женщины, которая последние годы завтракала исключительно шпинатом, это был кричащий, почти пугающий натюрморт.

- Я гнала машину сюда, думая, что найду тебя в истерике на диване, с мокрым полотенцем на лбу, - медленно произнесла Зина, опускаясь на высокий барный стул из дуба. Она достала из кармана пачку сигарет, но прикуривать в доме не стала, просто нервно перекатывала картонный прямоугольник в длинных пальцах. - Весь город только и обсуждает, как ты вчера отхлестала эту малолетнюю кинезиологшу терминами. Марина звонила мне утром. Говорит, Павел выглядел так, будто его мешком цемента по голове приложили. Я думала, у тебя после такого напряжения будет жуткий эмоциональный откат.

- Откат был, - я налила себе стакан ледяной воды из фильтра. - Прямо на мокром кафеле бассейна. Знаешь, Зина, вода отлично прочищает мозги. Особенно когда под давлением попадает в легкие.

- Из тебя ушла вся эта уютная мягкотелость, Влада, - задумчиво резюмировала подруга, не отрывая взгляда от моих багровых кругов под глазами. - Ты больше не удобная диванная подушка, которую Павел мог аккуратно переложить в другой угол своей жизни. В тебе вдруг прорезались зубы.

- Скорее, жабры, - сухо усмехнулась я, чувствуя, как от этого короткого смешка снова ноет грудная клетка. - Мне просто нужно было вспомнить, что у меня есть мое собственное тело. И оно требует капитального ремонта.

Проводив Зину через полчаса, я не стала возвращаться к бессмысленной уборке или пустому блужданию по просторным комнатам. Я прошла в гостиную. Раньше здесь, у большого окна, стояло любимое массивное кожаное кресло Павла, но теперь это была исключительно моя территория, на которой пульсировал ровным гулом лишь мой огромный аквариум.

Открыв ноутбук, я вбила в поисковую строку адрес городского портала спорткомплекса "Олимпиец". Перешла в раздел "Тренерский состав". Мои пальцы быстро скроллили страницу вниз, пропуская улыбающиеся, безупречно отфотошопленные лица молодых фитнес-инструкторов в фирменных поло. Мне нужен был не аниматор для скучающих домохозяек.

Я нашла его в самом низу, в сером блоке дежурного персонала.

Игорь Рыбаков. Шестьдесят один год.

С экрана на меня смотрело лицо человека, который органически не переносил объективы камер. Тяжелый, прямой, колющий взгляд из-под густых бровей с проседью. Никакой дежурной, продающей улыбки, никаких обнадеживающих заявлений об "успешном успехе" в профиле. В короткой архивной справке сухим канцелярским языком значилось, что десять лет назад он ушел с поста тренера юношеской сборной области. Сейчас числился обычным подменным инструктором, а основным местом работы была указана частная лодочная станция на мысе Южном.

Я вглядывалась в тусклые пиксели его лица, вспоминая вчерашние шершавые, широкие ладони, небрежно и без всякой жалости бросившие мне казенное белое полотенце. Павел и его Анфиса предлагали мне яркие, эластичные пластыри на открытые переломы и красивые социальные сказки о благородстве. Этот угрюмый человек предложил мне только суровую, болезненную правду: я разучилась дышать.

Я захлопнула крышку ноутбука. Экран мягко погас, оставив на своей глянцевой поверхности лишь мое смутное, бледное отражение.

Я не стала откладывать это на мифический понедельник. Не стала давать себе время на рефлексию, сомнения и жалость к воспаленной икре. В этом возрасте каждый потерянный день - это шаг к статике. Я просто взяла с тумбочки в коридоре ключи от кроссовера, сняла домашние брюки, натянув вместо них плотные синие джинсы, накинула теплую стеганую куртку поверх свитера и вышла из дома.

Глава 13. Секундомер и война

У каждого пространства есть свой собственный, физиологически честный запах, который невозможно замаскировать никакими освежителями. Арендванный модный лофт, где вчера гуляли гости моей дочери, пах разогретым пластиком батуты, приторной сладкой ватой и липким социальным лицемерием. Мой собственный дом последние недели отдавал стерильной, пустой чистотой, похожей на атмосферу частной хирургической клиники перед операцией. А здесь, на старой лодочной станции мыса Южного, воздух был густым, тяжелым и абсолютно настоящим. Он пах остывающей, темной озерной водой, въедливым машинным маслом, старым солидолом и влажной древесной стружкой.

Я медленно шла по дощатому настилу пирса. Потемневшее от времени и влаги дерево глухо, ритмично поскрипывало под плотными подошвами моих осенних ботинок. Ветер со стороны широкого водохранилища хлестал по щекам стывшим октябрьским холодом, заставляя рефлекторно прятать подбородок глубже в воротник стеганой куртки. Правая икроножная мышца, намертво стянутая вчерашней жесточайшей судорогой на дне бассейна, отзывалась тупой, тянущей болью при каждом переносе веса. Это была не та легкая, приятная крепатура, которой так любят хвастаться молодые фитнес-блогеры. Это был тяжелый, пульсирующий раскаленным свинцом узел в подколенном сухожилии - жестокое напоминание о том, что мои шарниры безнадежно заржавели от тридцати лет комфортного, безопасного простоя. Я шла, чуть прихрамывая, концентрируясь на том, чтобы ровно ставить стопу, и в этой вынужденной концентрации на собственном теле внезапно находила странное, первобытное успокоение. Моя боль принадлежала только мне.

Игорь Рыбаков оказался именно там, где и должен был находиться человек его ремесла. Под широким навесом из гофрированного железа, пристроенным к бревенчатому лодочному сараю, он стоял у массивного металлического верстака и методично перебирал внутренности старого подвешного мотора. На нем был надет плотный, местами залоснившийся от грязи рабочий комбинезон, поверх которого была накинута выцветшая брезентовая штормовка.

Я остановилась в паре метров от верстака, не пытаясь привлечь его внимание покашливанием или суетливым перемином с ноги на ногу.

- Здравствуйте, - произнесла я ровным, плотным голосом, перекрывая шум ветра и плеск воды о деревянные сваи.

Он не вздрогнул. Не изобразил фальшивого клиентского радушия и не попытался натянуть на лицо дежурную улыбку. Игорь просто отложил в сторону тяжелый гаечный ключ, взял с верстака кусок серой, промасленной ветоши и начал медленно, с усилием вытирать широкие, покрытые темной смазкой ладони. Его взгляд из-под густых седоватых бровей был точно таким же, как вчера вечером в гулком помещении бассейна - тяжелым, сканирующим, лишенным малейших признаков социальной вежливости.

- Пришли жалобу на меня писать администратору? - хмыкнул он, бросая грязную ветошь на край стола. Его голос звучал глухо, с характерной хрипотцой человека, привыкшего отдавать команды на открытой воде. - За то, что недостаточно нежно тащил вас из воды за лямки?

- Если бы мне нужна была нежность, я бы записалась на расслабляющий массаж с аромасламами, - ответила я, выдерживая его колючий зрительный контакт. - Мне нужен тренер. Для жесткой подготовки к турниру ветеранов в категории "Мастерс".

Рыбаков чуть прищурился. В его блеклых, цвета выцветшего денима глазах мелькнуло что-то похожее на искреннее, саркастическое удивление. Он неспешно окинул взглядом мою темную стеганую куртку, простые синие джинсы, затем перевел взгляд на лицо, безошибочно фиксируя багровые, воспаленные следы от жестких стартовых очков, которые все еще глубоко ввелись в кожу вокруг орбит.

- Мастерс? - он усмехнулся, тяжело опираясь мозолистыми руками о холодный металл верстака. - Женщина, вы вчера на двадцати пяти метрах пошли ко дну, как груженная баржа с пробоиной. У вас нулевая координация дыхания. Ваши легкие напрочь забыли базу, а мышцы забиваются лактатом за полминуты интенсивной работы. Вы паникуете под водой, как первокурсница. Какой вам ветеранский турнир? Купите абонемент на аквааэробику по утрам. Там инструкторы дают удобные пенопластовые доски и включают веселую музыку. С ними безопасно и не нужно думать.

Это была проверка. Прямая, грубая, почти хамская проверка моего внутреннего стержня. В прошлой жизни, будучи идеальной, приглашенной женой уважаемого старшего тренера Павла Логвинова, я бы неминуемо оскорбилась. Развернулась бы с идеально прямой спиной и ушла, высокомерно поджав губы и глотая уязвленное самолюбие. Но вчера хлорированная вода вымыла из моей головы всю эту изнеженную, диванную спесь.

- Мой дыхательный аппарат сломан, - абсолютно спокойно констатировала я, чувствуя, как холодный ветер треплет выбившиеся из прически пряди волос. - Тридцать лет я дышала ровно, мелко и очень аккуратно, чтобы случайно не сбить чужой ритм и не мешать окружающим. Вчера этот механизм дал критический сбой под реальной нагрузкой. Именно поэтому я пришла к вам, а не к сладкоречивому мальчику в обтягивающей фирменной футболке, который будет деликатно считать мне пульс и хвалить за мои же деньги. Мне нужен механик. Тот, кто сможет разобрать мой заржавевший каркас до винтика и собрать его заново. Без жалости.

Мы смотрели друг на друга несколько долгих секунд. В воздухе между нами повисла плотная, физически осязаемая пауза, разбавляемая лишь монотонным шумом волн и криком одинокой чайки над мысом. Я видела, как он сканирует мою структурную целостность. Ищет скрытые трещины, истеричность, надрыв покинутой жены, которой просто нужно забить свободное время. И не находит.

- Три раза в неделю, - произнес Рыбаков, и тональность его голоса неуловимо изменилась. Из него ушла колючая, саркастичная снисходительность, уступив место сухой, деловой гравитации. - Вторник, четверг, суббота. В семь утра, пока на дорожках нет болтливых пенсионерок с их бесконечным обсуждением цен на коммунальные услуги. Одно опоздание без справки от хирурга - и мы прощаемся навсегда. Если начинает ныть поясница, колоть в боку или просто портится настроение от плохой погоды - вы мне об этом не докладываете, а стискиваете зубы и плывете дальше. Я не психотерапевт, сопلي вытирать не обучен. Понятно?

- Более чем, - коротко кивнула я.

- Завтра в семь. Возьмите нормальные жесткие колобашки для ног, будем заново ставить выдох в воду.

Он отвернулся, снова взяв в руки тяжелый металлический ключ, всем своим видом показывая, что сделка заключена, а аудиенция окончена. Я не стала сотрясать воздух лишними словами благодарности. Просто развернулась и пошла по деревянному настилу обратно к припаркованной машине. Моя икроножная мышца по-прежнему стреляла тупой болью при каждом шаге, но внутри грудной клетки разливалось ровное, плотное тепло. В этом угрюмом, лишенном социальных фильтров мужчине я нашла то, чего мне так отчаянно не хватало последние дни. Точку опоры. Жесткий, бескомпромиссный каркас, вокруг которого можно было начать выстраивать свой собственный позвоночник.

Дорога до моего коттеджного поселка заняла около сорока минут. Салон кроссовера быстро прогрелся, климат-контроль тихо и уютно шелестел, подавая потоки теплого воздуха на мои озябшие пальцы. Я вела машину уверенно, механически фиксируя перекрестки, дорожные знаки и переключения светофоров. Впервые за долгое время моя голова была пустой и кристально ясной. У меня появился план. Появилась физическая, измеримая цель, которая абсолютно никак не зависела ни от страхов моей дочери Насти, ни от шепота соседей за спиной. Я возвращала себе контроль над собственной скоростью.

Я припарковала автомобиль на выложенной ровной брусчаткой подъездной дорожке у дома. Заглушила двигатель, взяла с соседнего пассажирского сиденья свою кожаную сумку и неспешно подошла к крыльцу.

Металлический ключ привычно скользнул в замочную скважину тяжелой дубовой двери. Я потянула ручку на себя, ожидая привычного, упругого сопротивления ригелей, чтобы вернуть механизм, но замок не щелкнул. Дверь просто бесшумно и мягко подалась внутрь от легкого нажатия. Засов был открыт.

Я переступила порог, и мое тело мгновенно, на глубоком инстинктивном уровне считало изменение атмосферного давления в холле. Воздух в доме словно стал на пару градусов теплее и приобрел чужеродную, едва уловимую вибрацию присутствия.

На прохладном, идеально чистом керамограните у порога, выровненные носок к носку, стояли мужские туфли. Дорогая, мягкая итальянская кожа, безупречно начищенная, без единого пятнышка уличной осенней грязи. Обувь Павла.

Еще вчера утром, собираясь на день рождения внука, он планировал передать мне просьбу о возврате своих вещей через Настю. Он хотел сохранить дистанцию и имидж цивилизованного, не опускающегося до бытовых визитов джентльмена. Но вчерашний инцидент в лофте, когда я ледяным тоном уничтожила его молодую любовницу Анфису и прилюдно вскрыла его физическую немощь, разрушил этот идеальный сценарий. Иллюзия дружеского развода рухнула, и теперь Павел пришел сам, воспользовавшись своим старым комплектом ключей. В его выстроенной, эгоцентричной картине мира он имел на это абсолютное право. Ведь он поступил "достойно", великодушно оставив брошенной жене этот коттедж, а значит, мог возвращаться сюда в любое время, как в свой личный, оплаченный музей. И даже не утруждал себя тем, чтобы запереть за собой дверь изнутри.

Я не стала в панике хвататься за телефон или испуганно кричать в пустоту коридора "кто здесь?". Я просто молча сняла свои ботинки, аккуратно повесила стеганую куртку на крючок и, оставшись в джинсах и мягком шерстяном свитере, бесшумно прошла по коридору в сторону просторной гостиной. Мои ступни привычно ступали по полу. Я знала акустику этого дома досконально.

Павел был там.

Он стоял ровно по центру комнаты, повернувшись ко мне полукомбоком. Моя хирургическая оптика, натренированная десятилетиями брака, моментально зафиксировала его внешний вид. Никакой помятости, никакой карикатурной маргинальности или небрежности. На нем было его любимое, идеально сидящее по фигуре темное кашемировое пальто, полы которого были небрежно расстегнуты, открывая безупречно выглаженную светлую рубашку и строгие брюки. Он выглядел дорого и солидно.

Но его поза с головой выдавала сбой в биомеханике.

Обычно Павел занимал собой все доступное пространство, стоял прямо, пружинисто расправив широкие плечи, как на бровке стадиона. Сейчас же он заметно ссутулился, неестественно перенеся почти весь свой вес на левую ногу. Он явно пытался разгрузить пульсирующее болью правое колено, которое он так неосмотрительно добил вчерашними утренними спринтами и долгим стоянием на празднике. Но главное - он совершенно не замечал моего присутствия. Все его внимание было намертво приковано к объекту прямо перед ним.

Он неотрывно, словно загипнотизированный, смотрел в мой встроенный в нишу пяти-сотлитровый аквариум.

В гостиной стояла плотная тишина, сквозь которую ровно и утробно гудел мощный внешний фильтр, перегоняя потоки воды. Я сделала еще несколько неслышных шагов, останавливаясь в паре метров за спиной бывшего мужа. Мой взгляд проследил за траекторией его опущенных глаз.

Там, за толстым, кристально чистым осветленным стеклом, на самом дне, среди фактурных, пористых камней "дракон" и густых, сочных зарослей анубиаса, лежал его секундомер. Тот самый коллекционный, винтажный механический "Агат" в тяжелом хромированном корпусе. Павел купил его на аукционе и методично, часами восстанавливал механизм с помощью пинцета и часовой лупы. Этот прибор был для него не просто вещью - это был физический символ его абсолютной тренерской власти над временем.

Вода уже сделала свое разрушительное дело. Хром заметно потускнел, покрывшись тонким, белесым налетом. Пузырьки воздуха давно вышли из микроскопических щелей, оставив внутри лишь мертвую, неподвижную влагу. Тяжелые стрелки замерли навсегда. Идеальное, выверенное время Павла Логвинова было хладнокровно утоплено в моем личном подводном ландшафте.

Я видела со спины, как меняется геометрия его тела. Как медленно, миллиметр за миллиметром, с него сползает маска прогрессивного, благородного управленца. Он приехал сюда за своим артефактом, свято уверенный, что найдет его бережно лежащим на бархатной подставке комода. Он ожидал, что я буду годами смахивать пыль с его вещей, лелея память о нашем браке в этом золотом саркофаге.

Уничтожение этого хронометра ударило по нему гораздо сильнее, чем любые женские истерики, крики или показательное битье посуды. Это был акт ледяного, расчетливого стирания его присутствия с моей территории. Я не страдала в уголке. Я утилизировала его контроль.

Широкие плечи Павла окаменели под темным кашемиром. Под кожей на его правом виске, прямо у кромки седеющих волос, часто-часто забилась мелкая, синеватая жилка. Инстинкты подсказали ему, что он больше не один в комнате.

Медленно, стараясь не делать резких скручивающих движений на больном суставе, он повернулся ко мне. В его цепких, выцветших голубых глазах больше не было ни капли той снисходительности или фальшивой эмпатии, которой он так щедро поливал меня всю последнюю неделю. В них плескалась холодная, голая ярость уязвленного собственника, чье огромное эго только что пробили насквозь.

Он сжал руки в кулаки, пряча напря

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.